

A wine glass filled with water, reflecting the Eiffel Tower and Parisian buildings, set against a window view of Paris at night.

Светлана Сорокина

УБИЙСТВО
В
Café de flore

ART-ДЕТЕКТИВ

Светлана Федоровна Сорокина

Убийство в Café de flore

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27056484

ISBN 9785448586132

Аннотация

Чтобы помочь подруге фотографу, на голову которой буквально с крыш падают камни, модный блогер обращается к своему другу священнику-программисту. Они отправляются в Париж, чтобы разгадать причину несчастий девушки. Однако смерть известной французской модели в Café de flore становится сенсацией. Друзья убеждены, что их подруга лишь случайно осталась жива. Они помогают полиции раскрыть преступление, благодаря шарадам Старого графа, авантюризму Сальвадора Дали и легендарной шляпке от Скиапарелли.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Вечеринка у Скиап	5
Странички из Дневника Мишель Саган	24
Второе расследование отца Алексия	38
1	38
2	56
3	76
4	93
5	110
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Убийство в Café de flore

**Светлана Федоровна
Сорокина**

© Светлана Федоровна Сорокина, 2017

ISBN 978-5-4485-8613-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Вечеринка у Скиап

Париж, август, 24, 1934 год

Небольшой дом маркизы по улице Барбе-де-Жуи просматривался сквозь деревья, словно призрак. Постройка XVII века находилась в центре сада, и все птицы квартала слетались в зеленый оазис. Одинокая дама занимала небольшую часть особняка – прилегающие комнаты к черному входу. Никогда не показывающаяся на людях, она держала связь с миром через своего дворецкого, такого же старого, как и сама маркиза. Всю остальную, большую часть дома с главным входом, сняла модная парижская модистка-итальянка с трудно произносимым именем Скиапарелли. Однако парижские друзья и знакомые, во избежание недоразумений, связанных с произношением, называли ее просто Скиап.

Обустроив со свойственной ей неординарностью домик маркизы, Эльза Скиапарелли устраивала вечеринку, с целью ознакомить друзей с новым местом своего проживания. В положенный час к особняку стали съезжаться авто. Звуки клаксонов будоражили сонную тишину вечернего квартала. Доносившаяся музыка джаза играющего граммофона – ка-

приз современных модников Парижа, сливалась с резкими сигналами кадиллаков и такси новоприбывших гостей, образуя какофонию звуков. При этом цикады, обитающие среди зелени сада, звенели так сильно, что их пение не могло заглушить даже это временное недоразумение. Сад – это та роскошь в центре Парижа, которую теперь могла себе позволить Скиап.

Эльза Скиапарелли остановилась перед большим зеркалом, прежде чем предстать перед гостями и на несколько секунд замерла. Столько изменилось с тех пор, как она приехала в Париж! Робкая и никому не известная девушка итальянка была не нужна городу-мечте, и она уехала в Лондон. Головокружительное, быстрое замужество. Рождение дочери и снова – Париж.

Однако скоро приемная ее ателье «Для города для вечера» – на втором этаже по улице Мира, 4, перестала вмещать всех дам, желающих одеваться у талантливого модельера. «Международный симпозиум», как любила она шутить, превратился в «международную пытку». Звезды кино и театра, герцогини, принцессы, княгини, а так же жены банкиров, миллионеров, дипломатов и известных художников, часами сидели в тесном помещении, дожидаясь своей очереди – оказаться за ширмой-исповедальней.

Святая святых – это лакированный, антикварный, складной предмет интерьера, который следовал за Скиап из ателье в ателье по мере ее карьерного роста. Сколько слышал

он откровений любовниц и жен знаменитых людей! Сколько видел «изуродованных тел красавиц и прекрасных – уродливых»! Сколько уловок было изобретено, чтобы скрыть недостатки! Выслушав все и взвесив на весах своего вкуса и знаний, она превращала женщин в богинь. Отель Ритц был полон американок, англичанок, шведок, немок и других заказчиц из разных уголков земли и они продолжали прибывать, чтобы толпиться в тесной мансарде знаменитой модистки.

Скиап повезло. Когда уже казалось, что стены ее ателье рухнут, к счастью для нее, знаменитый Дом моды Мадлен Шеруи закрылся, и она с удовольствием выкупила его у бывшей владелицы. Забрав свои заветные ширмы, Скиап перебралась на Вандомскую площадь №21 под сень любимого Наполеона.

Бывшие Королевские академии и конюшни, спроектированные и построенные самим Мансаром, были прекрасным плацдармом для воплощения ее безумных идей. В отличие от своей конкурентки амбициозной Шанель, Скиапарелли просто развлекалась, выходя из рамок дозволенного в моде, ставя на голову ее проверенные классические устои. Она с удовольствием наслаждалась выражением лиц буржуа, толпами валившие к ней увидеть витрины нового Дома Моды. Как и в детстве, она могла протестовать против раздражающих ее консервативных устоев общества, но теперь «мирным» способом – своим творчеством.

Поправив безукоризненно уложенную прическу, Эльза

взяла нераспечатанное письмо возле зеркала и, не глядя на обратный адрес, положила его вглубь ящика столика-консоли. Она знала – мать снова зовет ее в Рим.

Радушная хозяйка принимала гостей в естественной своей манере знатной аристократки, но с грациозностью и шармом парижанки. На ней было одно из вечерних креплешинных платьев из ее коллекции тридцатых годов. Длинное в пол, черного цвета с пересекающимися сзади полочками цвета фуксии, оно удлиняло фигуру. В нем она казалась выше, чем была на самом деле. Скиап нельзя было назвать красивой, но на ее скульптурном лице была печать античных предков с тысячелетней романской историей.

Встречая гостей у входа, у нее для каждого находилось нужное слово, а ее восхищение было искренним. Эльзе помогала американка Беттина Джонс, ее помощница – энергичная блондинка с короткой стрижкой и большими выразительными глазами.

– Дриан, мой дорогой, верный друг! Рада приветствовать Вас в моем скромном доме!

Вместо ответного приветствия художник, славящийся своим остроумием, стал читать нараспев сочиненные им стихи:

– Попрыгунья ласточка

Прилетела из Италии...

– Благодарю, как мило, дорогой Дриан! – Восторженная Эльза казалось, была готова повиснуть у художника на шее

и расцеловать его, но воспитание и сдержанность в высших кругах Рима, где она выросла, не позволяли проявить свои эмоции. Впрочем, искры огня, исходящие из ее глаз, красноречиво говорили об ее чувствах.

Поздоровавшись с Беттиной Джонс, которая что-то приветливо ему сказала, художник направился дальше к входной двери, где его уже ожидал дворецкий, чтобы взять шляпу и трость. Слугу – русского происхождения, высокого серьезного мужчину лет сорока пяти, Скиап наняла вместе с горничной француженкой недавно и была довольна ими даже больше, чем новой квартирой в саду.

Едва Дриан скрылся в проеме ярко освещенного входа, как появился новый гость, и снова – свежие чувства и радужная встреча.

– Бебе Берар! Как я рада видеть тебя по-прежнему веселым! И... – чуть низковатый голос хозяйки неожиданно стал высоким, почти сопрано, когда она заметила в его руках маленькую, белую собачонку. – ... Жасент! Тебя я особенно рада видеть, моя пушистая мадмуазель! Надеюсь, тебе понравится резвиться в саду! – Затем, уже в следующую секунду обращаясь к Берару, которого всячески переманивала в свой Дом Моды Шанель, вкрадчиво-бархатным голосом спросила:

– Дорогой Бебе, надеюсь, ты уже не сердишься на меня из-за твоих бесподобных ширм?

После такого комплимента его Жасент, сердце Кристиа-

на Берара, еще слегка омраченное из-за истории с ширмами, окончательно успокоилось, а его легкое недовольство растаяло. Тут же Берара перехватила чуткая Беттина Джонс, еще больше поднявшая настроение пострадавшему из-за невнимания Скиапарелли художнику.

Гости продолжали прибывать, а неугомимая хозяйка, окрыленная своей миссией приветствовать знаменитых, высородных и самых близких друзей, казалось, излучала свечение.

– Дали, Галла – вы как всегда лучше всех! Ваши усы, мой друг, просто скульптурное произведение искусство! Осталось лишь позолотить их и – хоть в музей!

– Благодарю, графиня. Когда-нибудь я именно так и сделаю. – Сдержанно, но явно довольный, вызванной реакцией, заметил все более набирающий мировую популярность ультрамодный художник-сюрреалист.

– Леонор Фини! Какая головная повязка! Надеюсь это не от Шанель!? Вы сами ее доделали? Изумительно! Ваше сюрреалистическое видение меня вдохновляет! Хорст! Ван Донген! – раздавался время от времени ее приветливый голос.

Наконец, рычание моторов затихло. Пауза длилась не долго. За это время хозяйка успела переговорить с помощницей, дать распоряжение дворецкому. Однако вновь прибывшие гости снова поглотили все ее внимание.

– Графиня де Буа, спасибо, что заглянули! Очень приятно

познакомиться с Вашей кузиной. Какая милая шляпка с вуалеткой! Вертес! Хонинген-Хене! Виконтесса! Что за приятный сюрприз! Я уже не надеялась Вас увидеть у меня. Давно Вы в Париже? О-о! Жан Клеман! Добро пожаловать!

Гости проходили в дом, общались, выходили в сад, уже слышался смех и звон бокалов, а графиня-модистка по-прежнему бросала взгляд в сторону калитки. Наконец, она увидела тучную фигуру пожилого мужчины и, радостно приветствуя его, поспешила навстречу.

– О, маэстро! Вы удостоили давнюю почитательницу Вашего таланта визитом! Как я Вам благодарна за это! Милости прошу в мое скромное жилище!

– Дорогая! – отвечал на расточительный комплимент хозяйки знаменитый кутюрье Поль Пуаре – Я всегда восхищался и продолжаю восхищаться Вашим оригинальным талантом!

– С Ваших уст маэстро – это награда! Вы – мой первый Учитель!

– Благодарю, моя милая! – В глазах у Пуаре блестели слезы. Беттина подхватила престарелого маэстро под руку и бережно «передала» дворецкому, как редкую драгоценность.

Звуки граммофона проникали из гостиной в сад. Уже темнело. Ветви пышных деревьев окружали небольшой старинный дом. На них словно бусы, были развешаны разноцветные лампочки, вносящие настроение праздника. Столики с напитками, фруктами и закусками возле крепких стволов

создавали уютные уголки. Еда была везде – в саду, гостиной-салоне, столовой, библиотеке и даже в небольшой ванной комнате, похожей на будуар, стояли маленькие столики-подставки с фруктами и вином. Полная свобода времяпрепровождения – в духе эпохи и в соответствии с характером хозяйки.

Вошедшая в гостиную графиня Софи де Буа, раньше никогда не бывавшая у Эльзы, была удивлена смелостью ее интерьерера. Она знала о сотрудничестве знаменитого дизайнера интерьеров Жан-Мишель Франка со Скиап, но не ожидала увидеть настолько дерзкие идеи и нетрадиционную обстановку дома.

Возле камина с двух сторон стояли китайские скульптуры леопардов. Один из них с поднятой лапой словно приветствовал гостей. Салон украшал длинный диван, обитый красно-оранжевой кожей с подносом посередине. На нем смело могли бы лечь два человека лицами друг к другу. Рядом стояли два кресла со стеганой обивкой молочного цвета напротив миндально-зеленоватой стены. Столы – черные, со стеклянными столешницами и маленькие, гнутые из черного лакированного дуба, вносили элемент японского стиля.

Картины были везде, даже стояли на полу, просто прислоненные к стене. Все эти модернистские акценты звучали мощными аккордами в старых стенах дома с леопардовыми шкурами на паркете.

«Она обязательно что-нибудь придумает!» – Софи де Буа

ни на секунду не забывала о главной цели своего визита к графине-модистке – ее приятельнице Скиап. Рассеянно рассматривая интерьер, графиня подумала, что в Париже едва ли найдется женщина с такой мощной и смелой фантазией, как у Скиапарелли. После этой мысли уверенность в благополучном решении ее деликатной проблемы окончательно поселилась в ней. В этот приятный вечер графиня рассчитывала на тет-а-тет. Осталось найти Эльзу и надеяться, что у нее будет несколько минут для этого разговора.

Кто-то взял ее под руку и Софи вздрогнула. Она совершенно забыла, что пришла со своей кузиной. Эта любопытная мадмуазель молча следовала за ней, как тень, иногда лишь отвлекаясь для угощения или рассматривая антиквариат. «Пожалуй, задача усложняется, – взглянув на юную родственницу, подумала графиня. – Но все к лучшему!» Она взяла с подноса бокал с белым вином и одну виноградинку.

Звуки танго Пьяцоллы будоражили воображение и чувственность. Кто-то танцевал в гостиной и несколько пар – в саду. Остальные гости разбрелись по группам. В углу салона возле интригующих ширм собралось небольшое общество из присутствующих гостей. Тучный и яркий Кристиан Берар с небольшой бородкой и с притихшей собачкой в руках, что-то рассказывал смешное. Графиня направилась к ним.

– Прошел. Месяц, два, – Скиап при встрече молчит и ни слова о ширме, которую я ей нарисовал. Хожу, как черная

туча, боясь к ней обратиться и услышать в свой адрес ужа-сающие слова. Ведь она заплатила мне наперед! Наконец, ко мне подходит сама Скиапарелли и начинает разговор о ширме. Не выслушав, и не в силах сдержать обиду, я набросился на нее: «Почему Вы сразу не сказали, что ширма Вам не понравилась?» На мой вопль Скиап спокойно ответила: «Но, дорогой Бебе! Речь не о том, что ширма мне не понравилась, ее просто у меня нет!» И тут, наконец, я прозрел! Оказывается, ширму по ошибке доставили старой маркизе, владелице дома. Она очень странная и не соизволила выйти, а ее слуга, увидев мою роспись, припрятал ширму, объяснив позже это тем, что маркиза сама занимается живописью и этот более, чем странный предмет шокировал бы ее!

Слушатели, среди которых был Жан Кокто, знаменитый фотограф Хорст, художник Ван Донген и светские дамы смеялись над рассказом Бернара и восхищались ширмой. Софи де Буа так же обратила на нее внимание – роспись была выполнена в стиле модерн и являла собой, бесспорно, произведение искусства.

Однако Скиап здесь не было, и графиня направилась к другой небольшой группе, состоящей, преимущественно из дам, среди которых особенно выделялись несколько элегантных особ. На одной из них было ассиметричное, смело-го кроя платье от Скиапарелли с накидкой-пелериной из перьев. Похожее «непродаваемое» платье перед этим заказала американка леди Симпсон. На другой – платье с откры-

той спиной и струящимися, словно водопад, драпировками из блестящей ткани. Они внимательно слушали Беттину Джонс, что-то рассказывающую, с серьезным выражением лица.

Софи де Буа, на которую никто не обратил внимание, бесшумно присоединилась к группе. Ее кузина Мишель так же пристроилась рядом. Одна из дам в золотистом парике от Скиапарелли, не отводя восхищенного взгляда от Беттины воскликнула:

– Это невероятно! Скиап ни словом не обмолвилась! Только сказала, что дела в Лондонском Доме Моды идут восхитительно, а улица перед окнами ее ателье превратилась в бульвар, где прогуливаются в ожидании своей очереди звезды кинематографа и титулованные особы. То, что Вы рассказываете – сенсация! Ведь история королевской семьи и Дома Скиапарелли переплелись! Но продолжайте. Мы все – само внимание!

– Большой прием в лондонской резиденции Джулии Шипман был восхитительным, а Талула Банкхед была так весела и остроумна, что невозможно было от нее отойти, но Скиап нарочно позвали в маленький салон, куда пожаловала чета Симпсон. Видимо, был звонок. Не знаю, но по словам Эльзы, через несколько минут, туда ворвалась леди Тельма Фернесс *в костюме для путешествия*! Она была очень взволнована и сбивчиво объяснила свой внешний вид тем, что ее возвращение было настолько внезапным, что она *не успела*

переодеться!

– Какой ужас! На высокий прием так явиться! Ревность – плохая подруга, – сдержанно, едва слышно возмутились дамы.

– Однако самое интересное было впереди! – Интригуяще сказала Беттина, загадочно улыбнувшись. – Всем нам известно, разумеется, что леди Фернесс – интимный друг принца Уэльского. Ирония заключается в том, что когда она отправилась в США, доверила принца своей лучшей подруге леди Симпсон!

– О-о-о! Невероятно! Говорят, эта американка Уоллис потребовала развода у первого мужа, а теперь разводится со вторым! – Послышались женские возгласы. Удовлетворившись подобной реакцией и, сделав для этого небольшую паузу, Беттина продолжила дальше свой рассказ:

– Пикантность ситуации заключалась в том, что там находился и сам принц Уэльский. Внезапное появление леди Фернесс очень рассердило его, а леди Уоллис Симпсон оставалась абсолютно спокойной. Скиап поняла, зачем ее позвали, и быстро нашла способ внести в атмосферу радость и гармонию. – Беттина вздохнула.

– Таковы первые часы сенсационной истории любви, вскоре перевернувшей всю Великобританию. Мадам Скиапарелли по воле случая приняла в этом деятельное участие. – Разведя руками и улыбнувшись, Беттина Джонс наслаждалась произведенной ею реакцией, а Софи де Буа, будучи не глу-

пой женщиной, понимала, что эта история лишь добавит привлекательности Дому Скиапарелли и еще больше привлечет клиенток. «Однако мне нужно найти хозяйку этого милого вечера» – подумала она и, не увидев в помещениях Скиапарелли, вышла в сад.

Сумерки развесили кружева цвета индиго на деревья, и сад казался от этого еще более загадочными. Луна, застряв между ветками, словно разорвав тонкую ткань, блистала своей красой, присоединившись к гостям. Фонари и гирлянды лампочек, выхватывали из надвигающейся густой темноты значительное место среди деревьев, освещая столики с белыми скатертями, угощения, старинные вазоны и плетеные кресла с гостями. От этого фрагменты сада казались волшебными.

Расслабившись, кто-то курил кальян, довольствуясь тихой беседой, кто-то трубку, некоторые из дам – сигары в длинных мундштуках, а кто-то с бокалом вина просто наслаждался вечером, запахом роз, флоксов и звуками цикад. Забыв, что находится в центре Парижа.

Графиня де Буа и, следовавшая за ней кузина, нашли Скиапарелли в обществе поэта Луи Арагона и его жены Эльзы Триоле, а так же курящей тонкие турецкие сигары в большом кресле Леонор Фини. Свой столик придвинули к ним фотограф Мэн Рэй, Дриан и Хорст. Собравшиеся обсуждали одну из последних коллекций Дома Скиапарелли, произведшей фурор в области моды и взрыв в прессе.

– Мне особенно запомнились материалы, которые вы использовали для бижутерии в коллекции тридцать второго года – огрызки карандашей, ластиков, скрепки, промокательная бумага, перья, таблетки и леденцы. Невероятная сюрреалистическая мешанина!

– Ожерелье из аспирина собрали присутствующие здесь Луи и Эльза Триоле – указала Скиап кивком головы на сидящих рядом друзей.

– Мои аплодисменты! – И Леонор захлопала в ладоши. – Знаю, что серьги-телефоны создал Дали, равнодушный к новой технике и омарам, а кто создал «безумные» серьги «Всевидящее око»?

– Ваш покорный слуга. – Подошедший бесшумно изящный Жан Кокто, театрально поклонился, получив свою долю аплодисментов. Пригладив шевелюру темно-русых, вьющихся волос и, заметив стоящую графиню и ее кузину, он тот час же пригласил их сесть. Но Софи де Буа поняла, что это самый подходящий момент привлечь внимание Скиап. Она отказалась от любезного приглашения Кокто, однако неизвестно откуда взявшийся Дали с Галой, а затем Поль Пуаре нарушили ее планы.

Разговор гениев сюрреализма продолжился, и Софи пришлось обождать, прежде чем ей удалось обратиться к Скиапарелли. Уйдя в свои мысли, она не слышала продолжение беседы и очнулась лишь от гомерического хохота друзей.

– Кто же знал, что *это* будет продаваться! – Смеялась

Скиапарелли. – Запланированное безумство на манекене, – чтобы ввергнуть в шок обывателя! Мы хотели брать с клиентов даже шуточную оплату!

Ей вторил Жан Кокто, сквозь смех, пытаясь что-то сказать:

– Оплату в виде... отгадывания замысловатых загадок или шарад, можете себе представить?

– Или расшифровки снов! – Беззвучно смеялся Дали, не забывая приглаживать свои усы.

Неожиданно Эльза Скиапарелли перестала смеяться, и серьезно посмотрев на Дали, прищутив глаза, произнесла:

– Я вижу изящных моделей на фоне Вашей картины – пустыня, горы... Они вместо изображения человека с ящиками, одеты в элегантное пальто. Нет! В пиджак с выдвижными ящиками! На голове странные шляпки... Сальвадор, мы должны с Вами поработать над этой идеей!

– И не только над ней! В последнее время они будоражат мою жизнь и сны... Алые губы Мэй Уэст, например, в виде дивана и весь интерьер с фрагментами ее лица.

– Представьте, дорогие мои друзья, что вы сидите на пухлых губах этой чувственной богини нашего времени! – Воскликнула Скиап, которой идея явно понравилась.

– А я, графиня, в восторге от Ваших миниатюрных женских ручек коллекции этого года – «Осень 1934 года», если быть точной. До сих пор перед глазами пальто, где вместо пуговиц маленькие ручки, словно обнимающие тебя ангелы.

Особенно мне понравилась золотая пуговица-брошь – изящная рука с черной розой. Это – шедевр нежности и экстравагантности! – Эльза Триоле на секунду закрыла глаза, представляя эту брошь на своем костюме.

– Дорогая Элла, я подарю ее Вам, если брошь уже не купили.

– О, нет! Я только восхищаюсь Вашими работами! Э-э,.. кажется, в пятом номере «Минотавра» за двенадцатое мая этого года было прекрасное эссе Жоржа Ханета посвященное этим маленьким ручкам! – Триоле отвела взгляд в сторону.

– Разве Вы не желаете ее приобрести? – Эльза прищурила один глаз и хитро посмотрела на писательницу. Неизвестно, что ответила бы ей Триоле, но неожиданно появившийся из-за деревьев Кристиан Берар изменил настроение компании:

– Где моя Жасент, моя малышка?! Вы не видели ее?! – Он был не на шутку расстроен. Печально посмотрев на окружающих, вдруг указал на шею Мишель Саган, стоящую рядом:

– Красивый жук. Жуки вообще очень красиво смотрятся на женской шее. Это может быть кольцо из прозрачного пластика, – сказал он задумчиво, не меняя печальную интонацию, и тут же снова исчез в темноте за деревьями. До гостей лишь доносился его встревоженный голос. – Жасент! Моя дорогая Жасент, иди к папочке!

Мишель с отвращением стряхнула с себя жука.

– Что это было? – спросила, выпрямившись в кресле

Скиапарелли, медленно обведя сидящих друзей, своими выпуклыми большими глазами.

– Очередной бред или гениальная идея, – заметил Жан Кокто, пожав плечами, и его тонкие губы едва коснулись улыбка.

– Вот именно – гениальная! Ожерелье из прозрачного пластика с впаянными в него светящимися жуками! Я уже вижу это кольцо в одной из следующих своих коллекций! Виват! – Она подняла руки вверх. В это время подошла Беттина и что-то тихо сказала Скиап. – Уже иду!

«Сейчас или никогда!», – подумала Софи де Буа и уверенно направилась к Скиапарелли, возвращающейся в дом.

– Эльза, дорогая, прошу Вас на тет-а-тет. Вы должны меня выслушать. У меня к Вам необычная просьба.

– Как ни странно, но я к ним привыкла, – улыбнулась Скиап.

– Я должна буду с Вами поделиться тайной, от которой зависит будущее многих людей и мое так же. – Тихо произнесла де Буа, искоса посмотрев, на семенившую сзади Мишель.

– Я польщена, но в таком случае, стоит ли делиться ею?

– Когда Вы выслушаете меня, поймете, что другого выхода у меня нет.

– Мне уже интересно. Пройдемте в мою ванную-будуар. Увидите, как там мило!

– А Ваши дела, ради которых Вас Беттина оторвала от прекрасной компании? – Робко спросила графиня де Буа, испы-

тывая неловкость.

– Ничего страшного! Подождут! Ведь вопрос жизни и смерти? Я правильно Вас поняла?

– Можно сказать и так...

– Софи, я буду ожидать в саду! – Произнесла кузина Мишель в след удаляющимся дамам, так и не услышавшим ее робкий голос.

Старая маркиза не спала. Да и как можно было уснуть из-за этой вульгарной музыки, доносившейся из половины дома модистки! А еще называет себя графиней! Из окна мансарды в подзорную трубу маркиза могла сколько угодно рассматривать гостей, гуляющих в саду и сидящих за столиками.

– Ну и мода пошла! – Бормотала она всякий раз, когда видела гостей графини. Короткие платья, обрезанные волосы, не носят корсет, а головные уборы – примитив и срам. Что за силуэты, что за одежда? Не то, что было во времена ее молодости! Маркиза вздохнула, вспоминая свои туалеты, длинные вуали и пучки страусовых перьев на шляпах. Се ля ви!

Несколько раз она заходила в свою ванную с проверенным подслушивающим устройством, но ничего интересного не услышала. Подзорная труба и ванная соседки, слышимость из которой была великолепная, были ее небольшим развлечением и даже способом выжить. Например, недавно она шантажировала через своего слугу, который принес письмо ее квартиросъемщице. Модистка негодовала, потому

что не знала, как маркиза узнала о порошке, который она нюхала в ванне! Все просто! И маркиза с уважением посмотрела на простую длинную банку, которую время от времени прикладывала к вентиляционному отверстию. Квартиро-съемщица возмущалась, но деньги отдала. Какое маркизе дело, что это было один или два раза? «Деньги – они, не пахнут. Кто это сказал? -Старая маркиза напрягла свой ум. – Кажется, римский император, но не уверена, который из них».

Может быть, сейчас она услышит что-нибудь интригующее, как в старые времена своей молодости. Тогда можно было купить имение, за пикантную информацию! Старая маркиза сложила подзорную трубу в свою изысканную трость с золотым набалдашником и, держась за поясицу из-за ревматизма, покинула уютное кресло под крышей, чтобы спуститься в ванную комнату с устаревшим балдахином прошлого века.

Тихая августовская ночь обнимала светящийся сад и потерявшийся в нем дом. Все в этом небольшом пространстве, окруженном старыми деревьями, были довольны выпавшем в их судьбе вечером у модной графини-модистки. Кроме дрожащей от холода под столом маленькой собачки, старой маркизы и ночной птицы, выразившей свое мнение звучным и протяжным глухим звуком.

Странички из Дневника Мишель Саган

8 августа, 1934 г. Кузина Софи все же сдержала свое обещание, данное мне на модном показе Скиапарелли весной этого года. Меня так поразили экстравагантные наряды, что пришлось вести себя непристойно и выпросить у кузины обещание брать меня на все показы и вечеринки к Скиап, как называет графиню-модистку весь Париж. Прошло столько времени, я не ожидала, что Софи де Буа вспомнит о данном ею слове. Ведь у нее столько приемов, званых вечеров, впечатлений, в отличие от моих серых будней. Однако сегодня она прислала мне телеграмму с уведомлением, что вечеринка у Скиап назначена на 24 августа. Восторг! Я буду ее сопровождать! Моему счастью нет предела. Потому что я познакомлюсь с невероятной модисткой и ее гениальным окружением! Надеюсь увидеть там модных сюрреалистов Жана Кокто, Бернара и Дали, а так же ее знаменитых княгинь-моделей. Я вся в предвкушении и ожидании!

10 августа, 1934г. Переделываю старое платье длиной в пол из дымчатого муара, подаренное в прошлом году Софи на новое – без всего лишнего. Обрываю оборки. Вчера обре-зала рукава, сделав их короче, присобрав в складочки с одной стороны. Подплечники нужно будет сделать на 2 см шире каждый. Выкроила воротник другой формы из ярко розо-

вого муслина цвета шопинг – в стиле Скиапарелли, а так же вставку на платье и банты для рукавов. Надеюсь, Софи его не узнает.

Платье подойдет к моей новой короткой прическе, уложенной волнами. Хорошо, что от бабушки остались кое-какие драгоценности! Все же предки у нас с Софи были одни и те же. Центр банта на платье украшу брошью с камеей. На шею – нитку жемчуга. Остается подобрать или сделать самой головной убор. Поэтому – это задача №1. Какой головной убор я надену к Скиап? Заказывать у модисток – дорого. Боюсь, придется делать самой, но это даже интересно!

14 августа, 1934 г. Так увлекательно сидеть среди груды журналов мод и читать рекомендации отдела «Модистка»! Здесь подробно описано создание шляпок и вечерней чалмы. Увлечшись, я едва не пропустила занятие музыки со своей ученицей. Забываешь обо всем! Однако после ее ухода снова вернулась к просмотру журналов. Остановилась на маленькой вуалетке и под ней что-то кукольное из шелковых цветов, называющееся шляпкой-бонэ. Носить ее нужно, как и все модные шляпки с боку головы. Решила остановиться на этом прелестном бонэ. Цель ясна и я готова к действиям и хорошо потратиться! Шляпка, которую увидит сама Эльза Скиапарелли, стоит труда и затрат! А ее головные уборы – безумие, совершенное, и мечта любой модницы! Я так счастлива!

18 августа, 1934 г. Моника и Жозефина огорчены, что я

не буду на празднике по поводу Дня Рождения нашей общей подруги Аннет. Но как же они были удивлены и восхищены, когда узнали, что я иду на вечеринку к Богине моды – Скиап! Все вопросы сразу отпали. Кажется, они слегка завидовали. По секрету сообщили, что недавно Шанель на прием к известной особе, прошла с черного входа, а Скиап, как графиня – с парадного! Говорят, Шанель ненавидит ее и на вопрос журналистки, что думает она о невероятном успехе Скиапарелли, та презрительно ответила: «А-аа, это та самая художница-итальянка? К сожалению, она лишь просто шьет одежду!» Жозефина убеждена, что у модисток испортились отношения несколько лет тому назад, после незабываемого приема, о котором судачил весь Париж. Скиап пригласила в гости Шанель и усадила ее на свежескрашенный белый стул. Хотя кузина Софи объясняла, что просто каучук расплавился от жары, поэтому отпечатался сзади на пикантном месте всех гостей.

Моника показала нам журнал «Минотавр» за прошлый год, где Тристан Тзара – представитель течения «Дада» свое очень смелое эссе, основанное на учении Фрейда, иллюстрировал фотографиями Мэн Рэя. На них – три шляпы Скиапарели. В последней шляпке «Сумасшедший гребень» – сама Скиапарелли вместо модели. Вторая шляпка, – сконструирована, как миниатюрная башня со шпилем, и символизировала, как утверждает Тзара – мужской воспроизводительный орган (у него в эссе – более грубо и натурально сказано).

Моника ткнула пальцем в такие строчки статьи: «три шляпы, ассоциирующиеся с женскими гениталиями не просто модные аксессуары, но стали модной метафорой, рассматривающей фрейдовскую психоаналитическую интерпретацию снов, в которой женская шляпка является символом мужского ... (пропускаю вульгарное слово) органа». Этот журнал лежит сейчас передо мной. О, бедная Аннет! Если к ней попадет это эссе, и она узнает, что носит на голове от Скиапарелли! Но всех нас потрясла первая шляпа «Savile Row», созданная Скиап на основе Федоры, увиденной на улице Лондона. Что мы видим? Мужская фетровая шляпа. Почти, как знаменитая Федора, но вместо вмятины сверху на тулье – женский ...!!!

Действительно, автор прав или у меня извращенное видение? Увидела бы я *это*, если бы не эссе? Впрочем, мама права – все дадаисты извращенцы. Значит, я попала в их число. Потому что шляпки нравятся, не смотря ни на что! Думаю, Жозефина объяснит Аннет, что носит она на голове, и тогда главное – шляпку-башню успеть купить по дешевой цене у подруги раньше, чем это сделают Жозефина и Моника.

19 августа, 1934 г. Ликую! Наконец, в довоенном журнале для домохозяек за 1913 год, я нашла описание материалов для основы подобной шляпки! Гениальное просто! Мне нужен обычный конский волос, из которого сплету основу. Сверху – лен или полотно, простеганное вместе с волосом, а потом – шелк. Собранный и закрепленный невиди-

мыми стежками в виде облака, эта ткань завершит форму шляпки. И только потом сверху – шелковые цветы и вуалетку. А казалось, что так просто и быстро сделать! Теперь проблема №1 – где взять конский волос? Время просто течет, как на картинах Дали!

20 августа, 1934г. Пришлось перенести музыкальное занятие и вызвать недовольство гувернантки мадам К., не говоря о самой мадам Н. Однако это стоило того, потому что вожделенный конский волос для шляпки сейчас лежит на крышке моего секретера, и я начну после этих строк создавать свою маленькую мечту. Все решилось быстро: Моника попросила своего кучера обрезать у лошади часть хвоста. Он был огорчен, но Моника действовала на удивление решительно и сама руководила этим процессом. В результате вид лошади не слишком пострадал, а кучер получил франк и остался доволен.

23 августа, 1934 г. Сейчас почти девять часов вечера. Приходили два ученика, и я едва успела закончить шляпку. Кажется, она получилась восхитительной! Раз двадцать прикрепляла вуалетку. Наконец, закрепила таким образом, что один конец торчит вертикально. Украсила место шва букетом цветов, из-за которых шляпку почти не видно. Пришила шляпную резинку. Почти, как на той картинке! Интересно, Скиапарелли заметит мой шедевр? Я вся в предвкушении завтрашнего вечера!

24 августа, 1934 г. Свершилось! Небо не упало на голову

и Всемирный потоп не смел мою мечту! У меня не сломался каблук, и не слетела шляпка, которую, ко многому моему удовольствию отметила сама Скиапарелли. Ведь она – королева сюрра в моде! Прием у Скиап – в ее саду для избранных и творческой элиты, был великолепен! Видела многих знаменитостей нашей эпохи! Гениальный и грустный Жан Кокто, недавно расставшийся со своей женой; маркиз Дали, которого все просто называют Сальвадор Дали – он действительно большой оригинал даже внешне! У Скиапарелли на камине стоит его странная картина.

Кристиан Берар – этот знаменитый художник сюрреалист, оказался в жизни милым и забавным. Его театральные постановки «Школа женщин», «Симфония» – прекрасны! Ни на что не похожи! Мне посчастливилось увидеть ширму, расписанную им для Скиапарелли. Берар смешно рассказывал о ее истории. Вообще, волшебное «Трио»: Дали, Скиап и Жан Кокто – удивительно по своим сюрреалистическим идеям для Дома Скиапарелли. Они поражают воображение снобов! Особенно коллекции скандальных шляпок! А когда к ним присоединяется Берар со своей маленькой собачкой – их искусство покоряет мир! Уверена, что Жасент принадлежат главные идеи!

Послушала сплетни о принце Уэльском и его американке и, наконец, в саду увидела Луи Арагона и его жену писательницу – Эльзу Триоле. Почему-то Скиапарелли называла ее Элла. Говорят, что она русская и это ее настоящее имя.

У нее действительно, прекрасные глаза, смотрящие куда-то в потусторонний мир. Не зря Луи им посвятил поэму! Мы спорили на эту тему с Жозефиной. Не забыть – она проиграла мне 5 франков!

Было много знаменитостей и аристократов. Кузина была чем-то обеспокоена и искала хозяйку. Она что-то хотела у нее спросить. Возможно, речь шла о новом вечернем платье или о парике. Ведь Скиапарелли была в чудном модном парике! Ее Дом Моды их делает к каждому случаю, даже для катания на лыжах – серебристые! У богатых свои причуды! А мы с Софи, хотя двоюродные сестры, принадлежим к разным классам. Увы!

Когда дамы ушли на тет-а-тет, я снова вернулась в сад к компании знаменитостей. Разговор шел о русском композиторе Стравинском – он готовил документы для принятия французского гражданства и собирался писать мемуары. Леонор Фини саркастически заметила:

– Говорят, Шанель не расстанется с подаренной ей Стравинским иконой в 20-ом году. Кажется, тогда она изобрела свои непристойно-обворожительные духи Chanel №5? – Все стали оглядываться, нет ли поблизости Скиапарелли и шикать на Леонор. Одна лишь Эльза Триоле, посмотрев куда-то вдаль, ответила:

– Роман был мучительный и страстный. Именно тогда Шанель приютила на своей парижской вилле его семью – большую туберкулезом жену и четверо детей. Дала деньги на вос-

становление балета «Весна Священная» и... создала духи...

– Полные неги и страсти – закончила Леонор Фини и с улыбкой сквозь сигаретный дым добавила – Потраченные деньги на музыку окупились сполна духами!

Луи Арагон сдвинув брови, и почти шепотом очень грустно добавил:

– Деньги Габриэль ему дорого стоили. Ведь ее башмачок стоял все время у него на голове!

– На голове? – переспросила Триоле. – О, эта тема как раз для Дали!

Услышав о себе, маркиз Дали (он разговаривал с Мэн Рэем и другими фотографами) взбодрился и вступил в беседу оригинальным способом:

– Почему ботинок не может быть на голове? Например, я помню себя в положении эмбриона, и если бы на моей голове оказался ботинок, я несколько бы не удивился. – Ха-ха – засмеялся он. Не выдержав, я сделала ему комплимент:

– Вы большой оригинал, как и Ваши картины.

– Все что на моих картинах изображено, я брал из жизни. А потому там нет ничего оригинального – заявил Дали, притрагиваясь кончиками пальцев к своим знаменитым усам. – Мы слепы. Любая, самая обычная вещь может хранить тайны, нам неведомые.

– Поэтому они сюрреалистичны! Любой предмет может быть Альфа и Омега – Добавила, неожиданно появившаяся моя кузина Софи, восхитительно улыбаясь.

Без зависти я подумала, – просто констатировала факт, что другим нужно подолгу стоять у зеркала, репетировать такую улыбку, а кухня ничего для этого не делает. Ее сверкающая улыбка – дар и главное наследство нашей бабушки.

– Кстати, в прошлом году, фотографируя Галу для моей картины, мне нужна была определенной формы шляпка. – Дали снова продолжил начатую тему. – Ничего не найдя подходящего в ее гардеробе, я просто положил её на голову комнатную туфлю. И она подошла! Все банально в этой жизни и предсказуемо – и, посмотрев на жену добавил: – Все, кроме Галлы. Она в моей жизни действительно сюрреалистична.

Гала молчала, лишь изредка, едва заметно улыбалась. Я подумала: «Типичная русская. Волевое и умное лицо. Спокойное самообладание. Кажется, она была балериной. Именно она сделала Дали тем, кто он есть. Повезло же ей с материалом!» – Цинично думая, таким образом, я продолжала улыбаться Галле, Дали и просто так, на всякий случай. «Лицо нужно „делать“, а улыбку уметь держать» – Именно так меня учила с детских лет моя мать.

Графиня Скиапарелли, услышав последнюю фразу Дали, воскликнула:

– Восхитительно! Сальвадор, не забудьте об этой идее, даже если забуду я. Шляпка-туфля это то, что мне нужно для новой коллекции!

К ним подошел Поль Пуаре. В его руках была вазочка с мороженым и ананасами:

– Мадам, – обратился он к графине Эльзе. – Полагаю, Вы еще не выбросили пальто, которое я Вам подарил?

– Что Вы, маэстро, я бережно его храню, как произведение искусства! Впрочем, как и остальные Ваши наряды! – Сдержано сказала графиня, хотя глаза ее, как у истинной итальянки блестели. – Оно напоминает мне о Вашей чувствительной и доброй душе, когда Вы протянули руку помощи и подарили пальто бедной, никому тогда не известной девушке.

– Вы преувеличиваете. – Смущенно ответил известный кутюрье, но было видно, что комплимент льстил ему.

Затем были разговоры, в которых сквозили новые сюрреалистические фантазии. Я поняла, что для профессии модистки главное – во время остановиться и *увидеть!* Не просто смотреть, а заметить в этом *нечто!* Это – дар, который есть у всех. Но многим, и мне в том числе, его нужно развивать.

Когда мы прощались с хозяйкой вечера, Эльза Скиапарелли, улыбаясь, спросила Софи:

– Значит, я жду Вас, мадам де Буа, в своем салоне к полудню на следующей неделе, – в четверг? Вандомская площадь, 21. Не забудьте!

Кузина «расшаркалась» и заверила Скиапарелли, что та «самый надежный и преданный друг»!

Когда мы ехали в автомобиле, Софи сказала, что договорилась о заказе новой шляпки и предложила на следующей

неделе поехать в Дом Моды к Скиап вместе. Ну вот, клякса! Уже ночь, а я не могу расстаться с бумагой и чернильницей! Кажется, все записала. Пора видеть сладкие сны! Сегодняшний день, – как прекрасный сон!

29 августа, 1934 г.

Сегодня с кузиной Софи были на Вандомской, 21 – в Доме Моды Эльзы Скиапарелли. Необычное сюрреалистическое видение нас встречало на каждом шагу. В фойе – огромное чучело розового медведя с выдвинутыми ящиками в брюхе, как на картине Дали. Оттуда свисали различные бусы, кружевные ленты, перчатки, тонкие женские чулки и батистовое белье.

Эльза Скиапарелли приветствуя, вышла нам на встречу и, увидев наши изумленные взгляды, объяснила, что медведя лично покрасил в цвет «шокинг» ее Дома сам Дали. Ящики в соломенном чучеле сделал так же Дали, вернее, его плотник. Медведя подарил художнику эксцентричный англичанин Эдуард Джеймс. Увидев медведя – гордость его семьи в «оперном наряде» (Беттина одела его в лиловое пальто) он разрыдался, а потом сам задрапировал себя в пестрые ткани и в позе Будды стал украшением стеклянной витрины бутика. Интересно – в знак протеста или от восхищения идеей? Увы, графиня-модистка не объяснила.

В отделе парфюмерии нас ожидала огромная золотая клетка, сделанная по проекту Жан-Мишель Франка. Она стояла напротив огромного окна на всю стену, и вся Вандом-

ская площадь была изысканным фоном, словно театральные декорации. Баночки, бутылочки, помада – все выглядело в ней, как экзотические птички! И, конечно, отдел безумных шляпок от Эльзы Скиапарелли! Я сразу забыла обо всем на свете... Мечта любой девушки – оказаться в подобном месте!

Софи де Буа выбрала себе шляпку-чернильницу из готовой коллекции. Я была уверена, что она закажет себе эксклюзив, что-то особенное! Очевидно, ей понравилась именно эта скандальная шляпка. Скиапарелли вынесла для упаковки круглую фанерную коробку с изображением ангельского девичьего лица.

– Помните, я рассказывала Вам о странной маркизе, сдающую мне часть дома? – усмехаясь, спросила Скиап. – Так вот, это ее презент. Не знаю, что на нее нашло, но старая дама через своего дворецкого, прислала мне эту шляпную коробку.

– Возможно, ее замучила совесть? – Так же скептически улыбаясь, вторила ей моя кузина, словно посвященная в какую-то тайну.

– Не думаю. Но вот по поводу коробки уверена, – это то, что Вам нужно. Это не просто красивая старинная картонка для хранения шляп, а еще коробочка-саквояж для их транспортировки. – Заключила Скиапарелли, и, положив шляпку в коробку, они направились к лакированной ширме, чтобы ее примерить.

– Коробка соответствует моим требованиям, о которых я говорила?

– Конечно, дорогая! Вы будете приятно удивлены. Это дорогая картонка конца восемнадцатого века, со специальным замком. – Заверила кухню графиня-модистка, удаляясь вглубь салона.

«Зачем Софи понадобилась такая дорогая коробка? – подумала я. – Сколько же она стоит? Однако графиня де Буа состоятельная дама и может позволить себе любые причуды».

Софи вернулась сияющая. Что значит новая шляпка для женщины! Я запомнила ее слова: «Каждая шляпка для меня – это маленькое приключение. Более того – новая жизнь!» Чтобы не ударить в грязь лицом перед богатой кухней я так же купила себе шляпку. Конечно, не такую дорогую, а Скиапарелли милостиво снизила еще вдвое для меня цену. Упаковали в картонку попроще, зато с логотипом Дома.

Между мной и знаменитой модисткой состоялся обмен любезностями. Похвалив восхитительные шляпки Скиапарелли и сюрреалистические идеи, я спонтанно предложила:

– Почему бы не создать шляпку в виде бараньей отбивной? – Идея пришла сама собой, так как подошло время ужина и в моем животе урчало. Я просто пошутила. Однако хозяйка салона восприняла мою шутку всерьез.

– В самом деле? Почему бы не создать? – Скиапарелли посмотрела на меня с удивлением, словно видела впервые,

и не меня, а русалку с носом клоуна и бантиком на хвосте. Это меня даже рассмешило.

На обратном пути в автомобиле я спросила Софи:

– Сама коробка произведение искусства! Она дорогая?

– Ты даже себе представить не можешь насколько! – Вос-

кликнула с азартом Софи. – Однако это хорошее приобретение! – Она на секунду задумалась и, улыбаясь, поглаживая кончиком пальца коробку, многозначительно тихо сказала: – Более того... Шляпку-чернильницу в антикварной коробке я буду завещать своей будущей дочери или быть может – внучке. Ведь со временем шляпка от Скиап будет дороже!

Я удивилась ее реакции и перемене настроения. Подумала, что как хорошо, что не поскупилась и так же заказала шляпку у Скиапарелли. У меня возникли неясные вопросы, но вскоре мысли о новой шляпке – с какими нарядами, когда и куда я буду ее надевать, совершенно вытеснили все остальное из головы. Капризы кузины меня больше не интересовали. Все-таки она – аристократка!

Второе расследование отца Алексия

1

*Западная Украина, городок N, август, 11,
2017 год*

Вечерняя служба в храме Покровы Богородицы закончилась. Немного уставший отец Алексей – красивый, утонченный мужчина средних лет, настоятель этого храма, сопровождал епископа. Он только что исповедовался Его Преосвященству, приехавшему посмотреть почти законченное строительство храма. Теперь епископ знал его тайну.

Пересекая длинный и широкий двор, с прекрасными цветущими рабатками и альпийскими горками, оба молчали. Никто не отваживался начать разговор первым. Казалось, лучи заходящего августовского солнца, навеивая сонный покой на все живое, растворяли суету. Она оседала бесшумно, как золотистая пыль, кружась мелкими песчинками.

Слова были не нужны. Оба служителя Бога это ощущали абсолютно точно, но каждый по-своему. Отец Алексей, просто наслаждался настоящим моментом, вдыхая запах любви.

мых цветов, которые сам сажал. Он знал, где какой сорт роз находится, и, проходя мимо своих любимец, вдыхал их аромат, словно приветствуя. Вместе с прихожанами он таскал камни и укладывал их в живописном беспорядке. Поэтому смотреть на созданный ландшафт ему всегда было приятно. Что будет – то будет. В любом случае, даже если и отстранят от службы, его душевного покоя это никак не коснется. И хотя в голове отца Алексия не было никаких докучливых мыслей, некоторая напряженность от безмолвия между ним и Его Преосвященством, ощущалась.

Лицо епископа ничего не выражало. Лишь один раз он слегка повернул голову, чтобы мельком кинуть взгляд на большую рабатку – произведение искусства и гордость всех прихожан, с искусственными фигурками зайчиков, ежей и сусликов.

Только когда пересекли двор и подошли к кованым ажурным воротам с православным крестом посередине, епископ остановился и словно нехотя, посмотрел на храм издали. Даже тогда, глядя на это великолепное сооружение в стиле лучших византийских традиций – с позолоченными куполами и мозаикой на стенах, он ничего не сказал.

Автомобиль Его Преосвященства – темно вишневого цвета BMW, находился напротив, и услужливый водитель открыл дверь машины.

Епископ, готовый уехать даже не попрощавшись, вдруг на секунду замер: он неожиданно вспомнил, как долго не мог

найти священника, отважившегося ехать в эту глубинку, да еще в недостроенный храм. Вспомнил о том, что количество прихожан в этом храме в три раза выросло, а поступлений в церковную казну почти в четыре, и это – при больших затратах на строительство, не считая благоустройства территории и вех этих зайчиков и роз.

«Надеюсь. Господь знает, что делает» – подумал он, повернулся в сторону отца Алексия и поднял руку вверх – прощаясь, благословляя и одновременно приветствуя его. Губы епископа слегка коснулась улыбка:

– Буду молиться, чтобы Ваши прихожане никогда не узнали о Вашей тайне, отец Алексий! – С этими слова он грузно плюхнулся, словно мешок с картошкой на кожаное сиденье своего автомобиля. Шофер, поклонившись, закрыл дверцу.

«Благодарю, Господи!» – про себя воскликнул отец Алексий и быстрыми шагами направился в отдельно стоящий домик с кукольной башенкой. Там находился его офис, приемная и Малая трапезная. Он посмотрел на наручные швейцарские часы Rolex Yachmaster II – через полчаса у него начиналось рабочее совещание по скайпу. Будут его американские и шведские представители.

Не успел он дойти до двери своего кабинета, как звонок телефона отвлек его. Секретарь – моложавая прихожанка-пенсионерка подняла трубку и передала ее отцу Алексию. Не смотря на его мимику и жесты, явно говорившие «Меня здесь нет», принципиальная и не признающая полутонов

секретарь, уверенным голосом сообщила, что бабушка сейчас подойдет. И вот теперь, вместо того, чтобы отдохнуть, перекусить и открыть ноутбук, он должен слышать негодующий голос своей бывшей знакомой.

– Алекс! После того что я рассказала тебе о Мадлен, ты не можешь оставаться в стороне!

– Еще как могу!

– Ты – священник, и обязан помогать ближним! – звучал взволнованный и настойчивый девичий голос в трубке.

Отец Алексей на секунду убрал трубку телефона от уха, вздохнул и уже уверенным спокойным голосом произнес:

– Возьми на заметку: священник, а не детектив. И как священник, я помолюсь за твою подругу, на голову которой падают с неба кирпичи.

– Камень, а не кирпич! И не с неба он упал, а с крыши дома, мимо которого она ходит каждое утро в дно и то же время.

– Впредь будет осторожней. С кем не бывает! Она православная или католичка?

– Алекс! Ах, простите, отец Алексей! Молиться Вы, бабушка, за нее все равно не можете – грех, так как она католичка! – с сарказмом и наслаждением от сказанного прозвучало в трубке. – Можете помочь как детектив и спасти человеку жизнь.

– Ох, Кэтти, Кэтти... – Снова вздохнул священник, посмотрев на наручные часы. Затем изловчившись, стал сни-

мать с себя рясу, забыв о присутствующей секретаре-пенсционерке.

Заметив округленные глаза пожилой женщины из-за своих вольных действий, отец Алексей вынырнул из-под балдахина и извинился в стиле французского мима. Улыбаясь, как клоун, он шепотом произнес: «У меня совещание через двадцать минут. Не могли бы Вы, Раиса Олеговна, заварить мне зеленый чай?»

– Ты меня не слушаешь? Чем ты занимаешься? – Даже по телефону было слышно: возмущение на другом конце провода достигло предела.

– Внимательно слушаю. Просто снимаю рясу после службы.

– Надеюсь не перед молодыми прихожанками? – язвительно заметила Кэтти.

Посмотрев на недовольное, обрюзглое лицо своего секретаря и, наконец-то освободившись от неудобного одеяния, отец Алексей спокойно и с улыбкой ответил:

– К сожалению, нет. У меня сейчас совещание по скайпу и разговор с американскими клиентами, а они, представь себе, знают меня лишь как программиста и руководителя компании, – отец Алексей снова посмотрел на свои часы. – Поэтому в моем кабинете висит пиджак. Приходится, как говорят – «крутиться»!

Такое объяснение, видимо удовлетворило Кэтти – его давнюю приятельницу, но она продолжала решительно насту-

пать:

– Алекс, с каких пор, ты стал равнодушным к людским несчастьям и таким непробиваемым снобом в рясе? Неужели с того момента, когда это одеяние надел? Мд-да-а-а... Видимо ради этого ты и стал священником. Ты мне больше нравился, когда вел расследование в доме госпожи Алисы и был просто программистом.

– Во-первых, я только что снял рясу. – Попытался шутить отец Алексей, прикрывая рукой трубку. В джинсах и со стильным хвостом сзади, батюшка был похож скорее на голливудского киноактера или модель с обложки «Vogue», чем на священника.

– Во-вторых, пойми, Кэтти, у меня паства, которую не на кого оставить. Сдача проектов моей фирмой заказчикам. Я не могу просто так сорваться с места и уехать во Францию. У меня обязанности – служба, крестины, свадьбы, отпевание... – спокойным, чуть монотонным голосом, попытался он объяснить очевидное своей подруге.

– Вот, вот... Оно самое! – эмоционально перебила его Кэтти. – Если что-то с Мадлен случится, я позову тебя на отпевание... Боже, что я болтаю! – В трубке голос замолк. Пауза была нестерпимой для отца Алексея. Он изменился в лице.

– Алло, Кэтти?!

Через какое-то время, явно расстроенная девушка, произнесла:

– Ты меня разочаровал, Алекс! Но я не прощаюсь. – Связь оборвалась. Кэтти закончила этот неприятный для обоих разговор.

Отец Алексей облегченно вздохнул, перекрестился и положил трубку. Из кабинета слышалась приятная мелодия его мобильного телефона, Секретарь уже мешала ложечкой чай, пахло вкусно свежими пирожками с грибами и капустой. Нужно было готовиться к рабочему совещанию – надеть пиджак, срочно включить компьютер и стать бизнесменом Алексом.

Вечером, возвращаясь домой и, вдыхая пряный запах летних цветов – флоксов, левкоев, душицы и роз, Алекс подумал, что ни на секунду не сомневался, когда решил остаться в этом провинциальном городке и принять сан священника. Слава Богу, новейшие технологии облегчают общение и управление фирмой на расстоянии! Он так же твердо знал, что никогда не пожалеет о том, что оставил Киев. Его невероятная история, благодаря которой он оказался здесь и резко изменил свою судьбу – от начала и до конца промысел Божий.

Старинный особняк по улице Счастливая, с ажурной кованой калиткой заставил его остановиться на несколько секунд и затаить дыхание: с этим домом связано столько воспоминаний! Может быть, покажется на террасе госпожа Алиса, Эва или выкатится на своей коляске Матильда, нагадавшая ему на картах Таро «переворот всех ценностей»

в жизни? Табличка «Сдаются апартаменты» все так же приветливо встречала гостей у входа. В этом доме он встретился с Марией, вернее с ее призраком и впервые раскрыл преступление.

Алекс подошел ближе к кованой ограде, за которой под белоснежной аркой тихо спал мраморный ангелочек и стал всматриваться вглубь сада. Нет, ему показалось. На этот раз это действительно – лишь ветерок и игры лунного света и разума. Мария больше не появится в этой усадьбе, и он не увидит ее. Два ангела вознесли ее. Он сам видел это.

Уверенной походкой Алекс направился дальше по цветущей улочке. Знакомые запахи помимо его воли, снова напомнили о первом его появлении здесь. Он вспомнил, как вышел из поезда за монашкой. Тогда ему в состоянии депрессии, было безразлично, где остановиться. Городок ждал «своего» священника и с первого момента появления в нем, все почему-то принимали его за такового. Странная старушка Матильда просто называла его «отче». Так и получилось.

Взглянув на высокие светящиеся окна старого особняка, он подумал, что уже поздно и все его обитатели пьют чай в Музыкальной гостиной, ведя неторопливые беседы. Воспоминания готовы были снова нахлынуть. Однако Алекс отогнал их, как стайку прекрасных, но докучливых бабочек.

В его двухэтажном небольшом коттедже по этой же улице светились окна на первом этаже. Обычно домработница Роза, которую он привез из Киева, оставляла свет в холле

и два фонаря у калитки, ожидая его прихода. Однако на этот раз свет горел в гостиной и в комнате на втором этаже. «Гости?» – без особой радости подумал отец Алексей, понимая, что план поработать до полуночи, вероятно, провалится, а с ним и сдача к сроку проекта. «На все воля Божья» – все же подумал он про себя, подходя к дому.

Сияющая Роза открыла двери:

– У нас гости! – с заговорщицким видом проговорила она.

– Знаю. – Алекс быстро бросил взгляд на туфли от «Прада», висящий на круглой вешалке кашемировый палантин и втянул носом знакомый с детства запах духов «Шанель №5». – Давно приехала мама?

– Она самая. – В проеме входа в гостиную появилась стройная красивая женщина, на вид лет сорока. – Прости, что, как снег на голову. По мобильному не дозвонилась. Поэтому решила – дойду от вокзала сама, не доставляя хлопот. Тем более – такой благоухающий воздух! Чудесный городок! Каждый раз, приезжая сюда, я отдыхаю душой! Целоваться будем? – Вдруг резко оборвав словесный поток, спросила она и, не дожидаясь ответа, обняла сына.

Сидя возле камина и, наслаждаясь ароматным чаем, Алекс, как в детстве, «с хитринкой» посмотрел на мать и спросил:

– Мам, а если честно, какая главная причина твоего визита ко мне? Ведь твоя занятость всем известна!

Лариса Петровна на секунду опустила глаза, потом резко

подняла голову и с вызовом посмотрела на сына:

– Узнаю этот взгляд! Годы идут, а ты в своей сути не меняешься. Такой же язвительный, как и был в детстве. Я приехала потому, что нужно ведь кому-то будет помогать Розе с хозяйством, когда ты уедешь во Францию. Дом, сад, столько растений, Роза еще курочек завела...

– Мам, но я никуда не собираюсь ехать, или я чего-то еще не знаю?

– Разве ты не поедешь во Францию вместе с Кэтти? – спокойно спросила Лариса Петровна с улыбкой Джоконды. Подошедшая Роза с подносом пирожных притихла.

– Мам, ты тоже не меняешься! – Алекс рассмеялся. Эти «игры», такие знакомые с детства раньше его злили, а теперь – умиляли. Женщины – Кэтти и его мать уже все решили. Роза так же на их стороне. Сопrotивляться – бесполезно. Мать будет говорить всякую ерунду, делать какие угодно вещи, но в конечном итоге получится так, как хочет она. Однако он вырос, а детство осталось далеко в прошлом. Он будет сопротивляться.

Следующий день для отца Алексея выдался беспокойным. Заболела одна из служащих при храме. В ее обязанности входило убирать оплавленные свечи, следить за чистотой и иногда торговать в церковной лавке, заменяя дьякона Иоана. Сам дьякон неожиданно исчез, оставив записку секретарю-прихожанке: «Жена рождает. Просьба меня заменить. Бог милостив. Иоан».

При храме было мало людей, а найти свободных и хорошо исполняющих свои церковные обязанности было не просто. К тому же нужно было как-то объяснить американцам причину задержки сдачи проекта. Ребята программисты не успевали. Он сам составлял аннотацию для приложения «My Device Lock» к мобильному телефону и на это требовалось время. Впереди было еще столько работы!

Через включенный громкоговоритель на мобильном, не отрывая глаз от монитора компьютера, отец Алексей общался с секретарем-прихожанкой, своим компаньоном, программистами и американцами. Проблемы наваливались. Он сам себе напоминал жонглера, но привычка фокусироваться и оставаться спокойным при любых обстоятельствах, как всегда помогала ему.

Роза и Лариса Петрова, пришедшие в храм, только переглядывались. Вот уже минут двадцать они стояли возле кабинета священника и не могли с ним пообщаться. Скоро, поняв бесполезность своего времяпровождения, они ни слова не говоря ушли. Через какое-то время звонки прекратились. Донимал лишь коллега – его компаньон из Киева. Наконец, когда все вопросы были выяснены, Алекс смог полностью погрузиться в разработку программы, переговариваясь лишь время от времени по скайпу с разработчиками.

Только к вечерней службе отец Алексей смог появиться в храме. К его изумлению, он увидел за прилавком христианской лавки свою мать, а Розу – убирающую в храме вместо

заболевшей послушницы. Эва – управляющая госпожи Алисы следила за свечами, меняла их и о чем-то переговаривалась с прихожанами.

Подошедшая к нему активная прихожанка, улыбаясь, сообщила, что новая послушница Лариса, торгующая в лавке, прочла потрясающую проповедь и собрала крупные пожертвования для интерьера храма.

– Она так эмоционально и красноречиво рассказала, почему наше тело похоже на убранство храма и почему начатый несколько лет тому назад ремонт должен быть закончен, что ее большая коробочка сразу стала полной! – Восторженно говорила она. – Словно Дух Святой говорил вместо нее! Эта потрясающая христианка обещала провести бесплатные консультации среди женщин и объяснила, почему Господу угодно видеть нас красивыми, с доскональным макияжем, маникюром и прическами. У меня наконец-то открылись глаза! Сестра Лариса – просто сокровище! Где Вы откопали ее, отец Алексей?

– Э-э-э, видите ли, у дьякона Иоанна... – но ему не пришлось закончить начатую фразу и оправдываться за Иоана, у которого рождает жена. «Или уже родила?» – подумал отец Алексей. Активистка в окружении других, таких же возбужденных дам проповедью, уже покинула его, направляясь к новой «самаритянке» Ларисе.

«Узнаю свою мать!» – подумал отец Алексей и провел ладонью по волосам, приглаживая и без того гладкие, собран-

ные в тугой пучок волосы. «Здесь не хватает только Кэтти!» – подумал он и улыбнулся.

Однако легкая на помине Кэтти снова позвонила вечером, на этот раз по мобильному:

– Не думайте, Ваше святейшество, что отделаетесь от меня так просто! – Вместо приветствия, язвительно заметила она.

– Я рад, что ты не обиделась. А к твоему яду у меня давно – стойкое противоядие. – Парировал незлобно с улыбкой отец Алексей. Довольная Кэтти фыркнула, как лошадь.

– Ладно, мир. – Проговорила девушка, и отец Алексей, снова став прежним Алексом, на расстоянии почувствовал ее расплывающуюся, широкую ослепительную улыбку. Ему даже показалось, что он уловил запах ее французских духов.

– Люблю, когда ты улыбаешься. Но все равно не поеду во Францию, хотя присланная тобой «тяжелая артиллерия» в лице моей матери – заявление серьезное. Сегодня моя матушка, как всегда, произвела фурор в храме и стала сенсацией. Она собрала на его интерьер столько, сколько не удалось за несколько лет после строительства храма.

В трубке послышался смех. Кэтти искренне оценила услышанное. Потом последовала пауза, и девушка тихим загадочным голосом, не предвещающего ничего хорошего, произнесла:

– Кстати, по поводу интерьера. Сегодня подожгли дом Мадлен в городке Ришелье. Помнишь, я рассказывала? Тот,

который ей достался в наследство от ее бабушки – семнадцатого века со старинными обоями в гостиной. Но это еще не все! В парижской квартире на днях были воры и перевернули ее всю верх дном. Что-то искали. – Она вздохнула. – Два дня тому назад кто-то на остановке толкнул ее прямо под колеса автобуса! К счастью для Мадлен, ее подхватил стоявший рядом пожилой мужчина. Моя подруга в шоке и боится уже ходить по улицам. Она говорит, что за ней следят.

– Почему бы ей не обратиться в полицию? – Отец Алексей поморщил нос, а его брови сползли к переносице.

– И это говоришь ты? – Кэтти едва сдерживала свои эмоции. – У полиции нет никакого основания, вмешиваться в это дело! Вот если бы был труп, тогда, понятно! Алекс, ты должен помочь! В противном случае я поеду сама! Давно собиралась...

– Сделать модную фотосессию для своего блога? – Не выдержал отец Алексей, но тут же пожалел о сказанном, перекрестился и извинился. Иногда даже сан не спасает от привычки парировать в словесной дуэли.

– Ладно. Все мы люди, все мы «человеки». Просто нужна твоя помощь. – Примирительно сказала девушка.

– Кэтти, сейчас я действительно очень занят. Как уже объяснял – нужно сдать проект американцам. В храме пока так же заменить некому...

– Но жена дьякона не будет ведь рожать каждую неделю! Кстати, ты знаешь, что у Иоанна двойня?

– Теперь знаю. Понятно, откуда ветер дует, – потер указательным пальцем переносицу Алекс. – Снова моя мама!

– Твоя мама замечательная женщина!

– Знаю. Все о ней так говорят. Не могу я поехать, Кэтти, пойми!

– В этом весь ты – человек долга и слова. – Обреченно произнесла она после небольшой паузы и положила трубку, не попрощавшись.

Разговор оставил в душе Алекса неприятнейший осадок. Он тяжело вздохнул и снова пригладил ладонью свои волосы. Так он делал всегда, когда слишком нервничал или был чем-то крайне удивлен.

Следующее утро не принесло ничего нового. Тучи плотной металлической заслонкой прикрыли небо. Дела накапливались. Однако к полудню выглянуло солнце и листва на деревьях и витражи на окнах храма засверкали, как самоцветы. Выяснилось, что все не так уж плохо в делах церковной общины. Секретарь-прихожанка сообщила, что Лариса Петровна организовала дежурство из добровольцев женщин для помощи с двойней жене дьякона. Поэтому Иоан сможет завтра утром приступить к своим обязанностям. Кроме этого, уже выстроилась очередь – так же из прихожан, работать в церковной лавке. Болеющую Анну пока заменяет Эва, но у Ларисы Петровны уже есть список из желающих служить Господу в Доме его. Секретарь перекрестилась:

– Благослови, Господи, новую управляющую, рабу Божию

Ларису.

Отец Алексей насторожился:

– Ларису Петровну, управляющую?

– Да, батюшка! Все прихожане благодарят Вас и возносят молитвы Господу за прекрасное решение взять управляющего в нашу церковь. Лариса Петровна – хороший выбор! Это кладезь мудрости! А как быстро она принимает сложные решения, и всегда с улыбкой! Благослови ее и Вас Господь! – Секретарь повернулась в сторону икон и перекрестилась.

Алекс медленно пригладил свои волосы. Такого поворота событий он явно не ожидал. Он даже не знал, как ему реагировать на действия своей матери и на ее самоназначение – не предусмотренную должность управляющего. Пока он отходил от легкого шока в своем кабинете, зазвонил мобильный. Компаньон из Киева просил раньше провести ежедневное совещание по скайпу, так как появились важные новости.

Вечер был теплым и напоен ароматом, доносящимся из соседних садов. Открывая дверь своего коттеджа ключом, отец Алексей уже с порога услышал женские голоса, что его неприятно удивило. Через широкую арку холла прихожей можно было видеть часть гостиной. Лариса Петровна разливала из фарфорового чайника ароматный чай за небольшим круглым столиком, стоящим возле камина. Рядом, нарочно приставленный вплотную к нему, для удобства, стоял длинный журнальный. На нем расположился ноутбук и вазы

с фруктами и сладостями. Вокруг столов в креслах и на диванчике уютно устроились женщины из церковной общины. Они что-то живо обсуждали, потом одновременно замирали и смотрели в открытый ноутбук. Затем все ритмично повторялось: словно птичий гомон – их реакция на сказанное и пауза – молчание.

Пока отец Алексей в прихожей менял туфли на тапочки, до него доносились обрывки голосов, на которые он не обращал внимание. Вдруг он услышал знакомый голос из компьютера и насторожился: «Напрасно вы стараетесь мне помочь, Лариса Петровна. Я так же хорошо изучила Вашего сына. Если он сказал не поедет, значит – так и будет. Даже если ангелы будут петь ему в оба уха – езжай, езжай во Францию-ю-ю, – все равно не поедет!»

В это время Алекс незаметно подошел сзади и встал за креслом матери перед компьютером. «А вот и он сам!» – усмехнувшись, прокомментировала Кэтти на экране монитора, и все головы дам повернулись в его сторону.

Лариса Петровна от неожиданности вздрогнула, но быстро взяла себя в руки:

– О, Алекс, ты так неожиданно появился... Здесь Кэтти... – Но он улыбнувшись, приложил палец к губам и подошел ближе к экрану:

– «Даже если ангелы будут петь в оба уха»? – переспросил Алекс с серьезным выражением лица, в то время как глаза его смеялись.

Нахмурившись, Кэтти не отвечала. Ситуация для всех была крайне неприятная. Все женщины застыли, наблюдая за развитием конфликта. Роза стояла, прислонившись к дверному косяку с округленными от ужаса глазами.

Выждав паузу, отец Алексей нарочито откашлялся и пропел, только что услышанную от Кэтти фразу, передразнивая ее:

– «Езжай, езжай во Францию-ю!» – Именно это пропели сегодня мне в оба уха ангелы, когда я проводил совещание. Правда, голосом моего компаньона! – Он засмеялся, обведя взглядом окружающих. Все одновременно радостно и возбужденно заговорили.

– Тихо, тихо мои хорошие! Кэтти не слышно! – Властно, но по-доброму остановила шумевших женщин мать Алекса. И сразу стало тихо, – все уставились в монитор. Кэтти смеясь, почти кричала:

– Что случилось, Алекс? Тебя компаньон отсылает во Францию? Я правильно поняла?

– Похоже, Господь услышал твои «молитвы»! Одна из французских фирм заинтересовалась нашими разработками и хочет заказать серию обучающих приложений для детей в виде игр к мобильному телефону. А для того чтобы понять, что они хотят и заключить договор, придется ехать во Францию. Вылетаем через два дня. Билеты уже заказаны. Кстати, тебе идет новый цвет волос! Кажется, ты была блондинкой?

2

Яркий, футуристический дизайн аэропорта, его стеклянные наклонные галереи, по которым перемещались пассажиры с уровня на уровень, привлекал взгляды многих людей и даже деятелей кино, но не двух пассажиров – отца Алексея, превратившегося в бизнесмена Алекса и Кэтти – стильной рыжеволосой девушки-блогера с фотоаппаратом. Джинсы и легкая дизайнерская курточка с принтом придавали ей совсем юный вид. Путешественники были заняты поиском своих чемоданов, и это занимало их в первую очередь.

– Все же признайся, Алекс, оказаться в Париже спонтанно, без всяких заранее запланированных мероприятий – это ведь здорово! – Кэтти удачно выловила свой чемодан среди многих других на движущейся ленте. Алекс продолжал ждать свой багаж.

– Мадлен точно приедет за нами?

– Да. Если ей не упало что-нибудь тяжелое на голову.

Алекс поморщился:

– Хватит намекать. Обещаю, что поговорю с твоей подругой. Надеюсь, что все подозрения – ее фантазии.

– Фантазии? Да ее трясет от страха, когда она ложиться спать. Потому что утро может не наступить для этой девушки. Держи свой чемодан! – С этими словами Кэтти схватила приблизившийся на ленте чемодан Алекса и с презрением

толкнула его к ногам друга.

В зале аэропорта Шарль де Голль, на выходе, они прошли мимо стоек вызова такси, офисов компаний, предоставляющие автомобили на прокат. Кэтти слегка нервничала и всматривалась в лица встречающихся. Мадлен не было видно.

Алекс уже стал говорить о том, чтобы добраться на автобусе авиокомпания «Air France», да и стоимость меньше, в сравнении с такси – всего лишь шестнадцать евро, но неожиданно Кэтти, улыбаясь, кому-то помахала рукой.

– Наконец-то! Мадлен!

Пока девушки обнимались и на французском обменивались приветствиями, Алекс скромно стоял в сторонке, ожидая, когда о нем вспомнят. По завершению девичьего «ритуала» встречи, Кэтти подвела к нему подругу – красивую высокую девушку в ярко-оранжевой соломенной шляпке, с такой же стильной сумкой от Корса. Мадлен была фотографом и моделью. Алекс отметил большие глаза-вишни и четко очерченный чувственный рот. Помада была незаметна. Челка каштановых волос из-под шляпки была мастерски уложена полукругом. Длинные волосы закручены спиралью в «пучок», концы которых торчали «перьями».

Представив их друг другу, Кэтти сказала, что английский – это тот язык, на котором они смогут общаться. Мадлен извинилась и объяснила, что опоздала из-за пробок, а потом не могла припарковать машину.

Сбросив туфли, Мадлен легко и виртуозно управляла своим Peugeot – пятидверным хэтчбеком. Время от времени, подруги переговаривались на французском, – то вздыхая, то смеясь, переполненные радостью встречи.

Алекс решил воспользоваться поездкой и попросил детально рассказать о последних странных событиях из жизни девушки. Но поскольку английский все знали приблизительно одинаково – не слишком плохо, но и не слишком хорошо, чтобы непринужденно общаться, приходилось по несколько раз переспрашивать и повторять одно и то же. Все же необходимое, он выяснил: Мадлен живет почти в центре Парижа в мансарде и имеет дом семнадцатого века в городке Ришелье, находящегося недалеко от Парижа. Дом кто-то пытался ограбить. Перевернули все вверх дном. Вероятно, вора спугнула соседка, мадам Бенуа.

– Расскажи подробней. Кто такая мадам Бенуа? – Алекс прищурил глаза, словно куда-то всматривался.

– О-о! Это прекрасная женщина шестидесяти восьми лет. Она живет рядом столько, сколько я себя помню. Мадам дружила с моей матерью. После ее смерти стала за мной «приглядывать». Ей можно полностью доверять. – Голос Мадлен звучал уверенно. – В парижской квартире повторилось то же самое, что и в доме. Кто-то что-то искал.

– Ничего не взяли? – поинтересовался Алекс. – Ты уверена, Мадлен?

Девушка задумалась и едва не проехала на красный свет.

Резко затормозив, она сказала:

– Пропала моя брошь – не дорогая, но очень забавная, в виде двух целующихся детей. Еще кто-то бросил горшок с цветком.

– Почему бросил?

– Потому что пеларгония, которую любила моя мама и бабушка, всегда стояла на окне. Разбитый горшок с цветком валялся посередине комнаты. Сам он туда долететь не мог. Его нужно было сильно швырнуть. – Загорелся зеленый свет светофора и автомобиль тронулся с места.

Париж встречал их солнцем, летним сияющим днем, фасадами праздничных зданий, беззаботными туристами, сидящими за столиками на террасах кафе и несущих длинные булки парижан. Проезжая по бульвару Сен-Жермен Peugeot попал в «тянучку». Кэтти во все глаза рассматривала одежду прохожих, витрины магазинов и даже, открыв окно автомобиля, пыталась фотографировать. Алекс и Мадлен все это время выясняли факты и, казалось, что их ничто больше не интересовало.

– Вы не заметили, кто Вас толкнул, Мадлен? – Задал очередной вопрос Алекс, когда автомобиль притормозил, пропуская пешеходов на переходе.

– Это произошло на той неделе. Я ждала, когда появится зеленый свет на светофоре вместе с остальными прохожими. Проезжал автобус – рядом была его остановка. Мое счастье, что он еще не набрал скорость. Вдруг я почувствовала, что

лечу прямо под колеса. Был сильный удар сзади. Спасибо мужчине, стоявшему рядом. Он каким-то образом схватил меня, и я осталась жива.

– Мадлен, а не могли бы Вы сразу отвести нас к тому месту, где с крыши упал камень, когда Вы проходили мимо здания?

– Почему бы и нет? Заодно покажу мое любимое Cafe de flore, где я пью кофе каждое утро.

– Нет, нет, нет! – запротестовала Кэтти. – Сегодня у меня в планах посетить Елисейские поля

и пофотографировать прохожих. Ведь у меня есть рубрика – уличная мода!

Мадлен и Алекс лишь улыбнулись, как это делают взрослые, не поощряя выходки своих детей, но умиляясь их непосредственности.

Cafe de flore, находилось на первом этаже старинного пятиэтажного здания, как и многие здания Парижа, являющегося украшением города. Занимая угол дома на углу бульвара Сен-Жермен и улицы Сен-Бенуа, кафе зеленым пятном чудесно вписывалось в экстерьер здания, создавая уютный цветущий оазис. Белый навес, такого же цвета зонты над столиками и головокружительный запах лаванды, вносило нотку средиземноморья в череду будней.

Здание, мимо которого проходила Мадлен, было следующим от кафе. Алекс смерил взглядом высоту от крыши до мостовой и нахмурил брови. Если бы камень попал в цель,

то девушка уже не стояла бы сейчас рядом с ними. Кэтти в ужасе оттянула подругу от здания. Кто знает?

Мадлен отправили в кафе занять столик, а Алекс и Кэтти решили проверить крышу. Поднявшись по пожарной лестнице, они нашли место, с которого упал камень. Судя по размерам, описанным Мадлен, он был больше кирпича. Поднять и бросить такой камень – нужны были усилия.

– Кэтти, ты смогла бы бросить камень около пяти килограмм?

– Смотря, с какой целью. Убить? Нет. Защитить друга – да.

Алекс стал осматривать место на крыше поблизости от того места, откуда был сброшен камень. На металлическом бортике ограждения он заметил царапины. Внимательно исследуя каждый сантиметр, Алекс, наконец, что-то нашел. Поднес нечто невидимое к глазам, внимательно рассмотрел и бережно завернул находку в носовой платок.

– Улика? – поинтересовалась Кэтти.

– Кто знает, кто знает... – тихо проговорил он, пряча платок в глубокий внутренний карман льняного пиджака.

Запах кофе с корицей услаждал обоняние. Сидя за круглым столиком знаменитого кафе, соединяющего прошлое и настоящее, девушки наслаждалась пирожным и кофе. Алекс заказал пищу посерьезней – куриное мясо с грибами и салат. Неожиданно, он сказал, что ему попало что-то в глаз, и попросил зеркальце. Сразу две маленьких пудреницы по-

явились перед ним.

– А ты знаешь, дорогая, что здесь любила бывать Габриель Шанель, Бриджит Бардо, Бельмандо? Здесь снимали фильм «Любовники»! – В глазах Мадлен появились искорки. Было видно, что она гордится этим местом.

– Вау! Обычно в рекламе указывают, что здесь проводили время Пикассо, Хамингуэй, был Луи Арагон и Сартр со своей любовницей Симоной де Бовуар.

– Простите. Но давайте о деле. – Прервал их Алекс. – Из-за чего произошел пожар в Ришелье? – спросил он у Мадлен, которая собиралась дать Кэтти новую порцию информации о кафе.

– Причина осталась неизвестна. Меня не было дома. Хорошо, что мадам Бенуа вовремя заметила пожар. Вернее, благодаря ее чуткому обонянию, она почувствовала запах гари и вызвала пожарных. Вовремя приехав, они успели потушить огонь. Сарай остался цел. – Мадлен говорила медленно по-английски, стараясь подбирать нужные фразы.

– Хотелось бы увидеть этот сарай и поговорить с мадам Бенуа. – Алекс сказал последнюю фразу так уверенно и жестко, что девушки с удивлением посмотрели на него. Кэтти что-то на французском сказала подруге. Алекс догадался и ответил с улыбкой:

– Нет, я еще не иду по следу. Но соринка по-прежнему режет в глазу. – Алекс посмотрел снова в зеркальце. Затем оглянулся. – Все это время за нами следили. От аэропорта

Peugeot сопровождала белая машина Reno Fluence, которая только что уехала. Вы не заметили? Поэтому я предложил Мадлен обождать нас в кафе. Следили ведь за ней. Здесь безопасней.

Молчание, растерянность и страх на лицах подруг красноречиво объяснило Алексу, насколько эта новость подействовала на девушек. Наконец, и он сам, впервые почувствовал существование реального зла. Оно готово было обрушиться на них внезапно, со всей силой своего черного закона превосходства над миром. Однако в первую очередь пострадала бы Мадлен. Алекс физически, кожей, кончиками пальцев почувствовал его приближение, как животные чувствуют цунами или ураган. Оно готово было засосать их в зловонную воронку. И только Высший божественный свет, рыцарем которого и представителем являлся он – священник Алексий, мог противостоять этой силе.

Решено было съездить в Ришелье и поговорить с соседкой мадам Бенуа. На этом настаивал Алекс. Однако поскольку он должен был на следующий день встретиться с парижской фирмой-заказчиком, а Кэтти стремилась как можно скорее приступить к фотосессии, поездку отложили на два дня. Всех это устраивало и только Мадлен, казалось, не могла еще отойти от пережитого. Угроза в виде белого Reno Fluence маячила перед ней, как смерть, размахивающая белым покрывалом.

СНИТ – Центр Новейшей Индустрии и Технологий, куда должен был подъехать Алекс, находился в деловой части Парижа Дефанс. В отлично сидящем на нем стильном льняном костюме бежевого цвета, с миниатюрным ноутбуком в кожаной сумке, он готов был для встречи. Допивая кофе, Алекс был приятно удивлен, когда Мадлен предложила ему взять в аренду электромобиль, чтобы доехать до Ла Дефанс. Оказывается, в Париже уже с 2011 года существует обширная сеть проката этих симпатичных электромобилей Autolib.

Троица сидела в том же зеленом кафе, наслаждаясь завтраком. Мадлен, таинственно сообщила подруге, что познакомит с моделью, пообещавшей позировать для блога Кэтти бесплатно. Это был обещанный сюрприз, приготовленный Мадлен заранее.

– Она присоединится к нам через пятнадцать минут. – С видом улыбающегося сфинкса произнесла Мадлен. Действительно, скоро подошла высокая, с прекрасной фигурой девушка. Ее красивое славянское лицо с голубыми глазами освещала обворожительная улыбка. На чистом русском языке она представилась просто:

– Привет, я Маша!

Алекс даже привстал от неожиданности, а кусок омлета едва не застрял у него в горле.

– Маша – французская известная модель, но корни ее ... – начала представлять ее Мадлен.

– Я из Киева. – Лаконично закончила за нее девуш-

ка. – Ужасно рада увидеть земляков! Как там, родной город? – Она резким взмахом головы откинула назад белокурые длинные волосы, словно солнце, освещая все вокруг.

Маша присела за их столик, и услужливый официант тут же благосклонно предложил ей меню. Разговор перешел об Украине, ее судьбе, независимости, общих знакомых, модельном бизнесе и многом другом. Всегда земляки, встретившиеся на чужбине, чувствуют себя словно родственники, а их разговор может продолжаться до полуночи.

Алекс подумал, что любой мужчина мог бы ему сейчас позавидовать. Ведь перед ним сидят три красивейшие девушки разных «мастей» – шатенка, блондинка и рыжеволосая бестия. Сложно сказать, кто из них красивее. «Все же самая яркая из них Кэтти, – подумал он удовлетворенно. – Она ведь рыжая, – Огонь! Интересно, какой „масти“ была богиня Диана?»

Он усмехнулся. Девушки о чем-то говорили, красиво жестикулируя. Однако Алекса ждали дела. Он попрощался и пошел на ближайшую стоянку брать в аренду электромо-
биль, о котором даже мечтать не мог из-за строительства храма.

Кэтти, поняв, что в ее владении две блестящие французские модели, так же сорвалась с места.

– Сначала на Елисейские поля! Ни о чем больше не хочу слышать! Вперед, красотки!

Действительно, Елисейские поля были вне конкуренции.

Именно там находился букет модных бутиков, и собирались самые красивые и стильные женщины Европы. Роскошные витрины, респектабельные рестораны, грациозные фасады зданий – не только своими архитектурными изюминками, но и стилевыми цветочными композициями, привлекали изысканных дам всех возрастов, а так же любознательную мужскую часть населения. Изюминка – великолепный особняк XIX века, музей Жакмар-Андре. Он, как вишенка в торте был особенно хорош для фотосъемки.

Карусель фотосессии была головокружительной. Кэтти и Мадлен снимали друг друга, Машу, прохожих, просили позировать стильных молодых людей и обещали им поцелуи. Романтика Парижа удивительным образом влияла на всех. Девушки придумывали новые и необычные композиции и локации. Сделали заказ в Maxim's de Paris и в обнимку с официантом снимали там развеселившуюся Машу. Затем за столом с легендарной настольной лампой и сдвоенными абажурами – сценку с двумя подругами, пьющих кофе, разговаривающих по телефону и красящих губы возле огромного зеркала в стиле модерн. Однако чтобы сделать несколько снимков в музейном зале ресторана с платьями на кринолинах, пришлось дать хорошие чаевые.

Девушки снимали возле витрин бутиков и внутри магазинов, примеряя дорогие платья, шляпки, при этом делая вид, что они богатые клиентки, готовые купить весь магазин. Подруги чудесно проводили время, работая и развлека-

ясь одновременно.

После бутиков на Елисейских полях были фотосессии возле Эйфелевой башни, Триумфальной арки, где с ними хотели познакомиться остроумные англичане и веселые американцы. И, наконец, уже уставшие, при свете фонарей, они фотографировали Машу на знаменитом старом парижском мосту, который почему-то назывался Новым. Только тогда, когда ноги «гудели», девушки, сняв туфли на высоких каблуках, с трудом присели на скамейке в сквере на острове Сите. Достали из сумочек воду и круасаны. Какое-то время они молчали, наслаждаясь отдыхом, а лиловые сумерки спускались им на плечи.

Недолго думая, Маша в своей пышной юбке с красными маками легла на газон. К ней тут же присоединились подружки. Прохладная мягкая трава приятно охлаждала ступни ног и снимала усталость. Девушки лежали, наслаждаясь угасающим августовским днем, вспоминали свои приключения и смеялись из-за пустяков, как это часто бывает в детстве.

– Завтра фотосессия будет в Люксембургском саду! – Заявила Кэтти. – Я уже вижу вас возле статуй королей, дворца, фонтана и в перспективе удаляющейся аллеи. Это будет фантастически прекрасно! Она закрыла глаза, представляя себе завтрашний день.

– Сейчас я безумно хочу спать. – Тихо сказала Маша и зевнула.

– А почему бы всем не пойти ко мне? Мы сэкономим вре-

мя, да и мне не будет так страшно, а завтра с утра вместе продолжим фотосессию. – Предложила Мадлен. – Кстати, у меня романтический вид на крыши Парижа и видна Эйфелева башня, – добавила она с лукавым выражением лица.

– Вау-у! – Кэтти даже приподнялась и посмотрела на Мадлен так, словно та скрывала от всех сокровища. – Действительно! Как я упустила очевидное?

– Нет. У меня не получится остаться на ночь у тебя. Хотя очень заманчиво. – Маша грустно улыбнулась. – Мы ведь не будем спать ночь. Будем пить на крыше шампанское, смотреть на Париж и болтать до утра. Я не прорицательница, но то, что так будет, знаю наверняка. А мне завтра рано нужно успеть в модельное агентство. После полудня смогу подъехать в Люксембургский сад.

– Сад – это будет завтра! – Кэтти, уже настроившись на ночные съемки на крыше, не терпела возражений. – А сегодня мы действительно, можем выпить на крыше у Мадлен бокал шампанского за встречу и удачную фотосессию.

– Я голосую «за»! – Мадлен была весела. – Всего лишь пару кадров, Маша! На фоне крыш и Эйфелевой башни! Твои снимки увидят на сайте Кэтти вся Европа и Америка, не говоря о славянских странах.

Маша, медленно жуя травинку, лежа размышляла несколько секунд, в то время как девушки молча, затаив дыхание ждали ее ответа. Затем села, опершись руками о землю и, нахмурившись, медленно произнесла:

– Я тут подумала... – она выжидающе посмотрела на подруг, затем быстро выпалила, смеясь:

– Вы правы! Идем пить шампанское на крышу Мадлен! Когда еще будет такой случай?!

Выход на крышу был сразу с мезонина. Стоило только приподнять полупрозрачный белый занавес, как тот час оказался в зеленом оазисе. Мадлен, как истинная парижанка, отгородила себе часть пространства под садик и даже сделала в старой цинковой ванне грядку для средиземноморских трав. Ароматные цветы висели в кашпо. Розы и туи росли в крупных горшках. Были предусмотрены зоны для отдыха и завтрака. Разноцветные лампочки и гипсовые статуи украшали садик.

Вид с крыши был непревзойденным. Париж в огнях лежал перед тремя девушками с разной судьбой. Однако то чувство, которое они испытывали, объединяло их. Потом дороги их судеб разойдутся, но сейчас, словно жрицы, они были служителями одной Музы – искусства, а праздничный город дарил волшебство и пищу для их покровительницы.

Тосты за любовь, дружбу, карьеру и Париж следовали один за другим. Девушки старались так соединять бокалы, рассыпающие звон вокруг, чтобы сияющая Эйфелевая башня была между ними, а еще лучше, если ее изображение в перевернутом виде отражалось в бокале. Это их веселило и вдохновляло на новые забавные тосты. Они шутили, смея-

лись и веселились, как возможно только в годы беззаботной юности.

Стал накрапывать дождь и Маша вспомнила, что должна уже спать в своей кровати. Как ни старались уговорить ее Мадлен и Кэтти остаться, девушка не соглашалась, ссылаясь на то, что до агентства от ее дома можно очень быстро добраться без пробок на велосипеде. Для нее это была единственная возможность проехаться и хоть немного позаниматься спортом. Хорошо, что сейчас автоматические велостоянки проката по городу на расстоянии трехсот метров!

– Упустить возможность покататься на велосипеде? Нет, ни за что! – С этими словами Маша взяла зонтик, предложенный Мадлен, расцеловала подружек и выскочила из квартиры.

Было слышно, как она вызвала старый лифт, как стала спускаться в нем вниз. Мадлен и Кэтти открыли окно со стороны кухни, так как было душно, и стали собирать остатки позднего ужина и грязную посуду. Вдруг за окном раздался визг тормозов, короткий женский крик, резкий звук мотора отъезжающего автомобиля. Девушки на мгновение замерли, одновременно посмотрели друг на друга и... Мадлен медленно стала оседать на пол.

– Маша! – прошептала побледневшая Кэтти. Выйдя из оцепенения, она сначала бросилась к дверям, потом к Мадлен, не зная как ей поступить. Но едва заметный знак рукой подруги, означающий – «беги к Маше», расставил точ-

ки над «і».

Когда Кэтти выбежала из парадного, сердце ее колотилось, как у испуганного зверька, руки дрожали. Первое, что она увидела – это распростертое на дороге тело Маши. Она лежала на спине, раскинув руки, а ее золотистые волосы поблескивали при свете фонаря, словно золотая лужа. Пышная юбка в красных маках была смята и чем-то запачкана.

У Кэтти потемнело в глазах, внезапная слабость подкатила тошнотой к горлу, а ноги неожиданно стали весить каждая – по тонне. Все же желание помочь, возможно, живой еще девушке, заставило взять себя в руки. Подойдя к Маше, она встала на колени. Ее пульс едва прощупывался. Дыхание было слабое, едва ощущаемое.

– Маша, Мария! Ты слышишь меня?! Сейчас приедет скорая. Держись! – кричала Кэтти, дрожащими руками нажимая на мобильном номер «15» Службы скорой медицинской помощи. Потом она позвонила Алексу и сбивчиво рассказала о случившемся. Стали открываться окна. Вышли заспанные соседи.

Кэтти сжала зубы и стала действовать. Неожиданно для нее самой, она отдавала приказания-просьбы мягко, но властно, словно в нее вселился кто-то другой, более безразличный к происходящему:

– Мадам, не могли бы Вы принести плед? Кто-нибудь с первого этажа – пожалуйста, нужна срочно аптечка, бинты, лед.

Кэтти приложила лед к голове и ссадинам, перебинтовала раны. Она действовала, как во сне, но осознанно и расчетливо.

Подошла бледная Мадлен, еще кто-то из соседей и случайные прохожие. Некоторые наблюдали из окон за происходящим. Наконец, подъехал на велосипеде Алекс. Он сразу попросил расступиться толпе и дать воздух девушке. Нашупал пульс. Потом осмотрел пространство вокруг лежащей Маши.

– Кто-то видел, что произошло? – спросил он у стоящих людей. Увы, некоторые слышали лишь звуки отъезжающей машины, кто-то лишь крик Кэтти.

Подъехала с включенной сиреной машина «скорой». Врачи осторожно положили Машу на носилки и погрузили в салон машины. Кэтти, не спрашивая можно ей ехать или нет, забралась внутрь с таким видом, что всем сразу стало ясно, что для нее состояние больной – это вопрос жизни и смерти, касающийся ее непосредственно. Она вяло махнула рукой, и мед брат закрыл двери салона.

Эту ночь Кэтти, Алекс и Мадлен провели в больнице. Маша не приходила в себя, но ее состояние стабилизировалось. Мадлен прекратила плакать, однако замкнулась в себе, считая себя виноватой в происходящем.

– Я ее отпустила. Понимаешь? – Спрашивала она, словно зомби у Кэтти, произнося одну и ту же фразу, будто забыла все остальные. Подруга как могла, пыталась успокоить ее.

Кэтти понимала, что она еще не оправилась после шока.

– В этом нет твоей вины, – повторяла Кэтти снова и снова.

Подошел Алекс с чашками кофе. Кэтти вставила стакан Мадлен в руки и заставила сделать несколько глотков. Девушка молча повиновалась. Алекс закрыл глаза, читая про себя молитву. Однако скоро обратился к Кэтти:

– Расскажи подробней, как все это произошло – попросил он ее, – и почему Мадлен все время винит себя?

Кэтти в двух словах рассказала о том, как Мадлен пыталась оставить Машу ночевать в своей квартире, и почему та настояла на своем и ушла, хотя начал накрапывать дождь.

– Я дала ей свой зонтик! – Неожиданно сказала Мадлен и снова залилась слезами

– Ты имеешь ввиду, что твой зонтик стал причиной наезда на Машу? – Алекс привстал с кресла и подошел к Мадлен. – Это так? Поэтому ты винишь себя?

– Значит, на самом деле поджидали Мадлен? Маша стала случайной жертвой... – Кэтти, наконец, поняла суть происходящего и причину слез подруги. Ее глаза округлились, и какое-то время девушка молча смотрела в одну точку. Потом быстро заговорила:

– Нужно идти в полицию. Нужно спрятать Мадлен, нужно немедленно уехать или исчезнуть... Что они хотят?! Кто они? Что им от нас нужно?!

– Успокойся. – Алекс ласково погладил по голове Кэтти. Она готова была разрыдаться, но сдерживала слезы и свои

чувства.

Появился врач, выйдя из палаты, где лежала Маша. Все трое бросились к нему. Он сообщил хорошую новость – внутреннего кровотечения нет, но сломано несколько ребер. Состояние стабильное. Больная пришла в себя.

– Однако нужно сделать еще МРТ головы, сказал он, обращаясь почему-то к Алексу. – Возможно, сотрясение мозга. Но Маша счастливо отделалась.

Это известие вызвало радость и желание поскорее увидеть подругу. Врач разрешил лишь на одну минуту зайти только близким. Кэтти и Мадлен не сговариваясь, поспешили в палату.

Оставшись один, Алекс задумался. Все происходящее ему начинало слишком не нравиться. Почему пострадала Маша, а не Мадлен? Действительно ли она дала свой зонтик для того, чтобы уберечь подругу от дождя или была другая причина? Мадлен все время угрожают, но она постоянно выходит сухой из воды. «Странно...» – подумал он. Небогатый, но серьезный опыт прошлых расследований подсказывал ему, что доверять нельзя никому. Опыт священника говорил, что людская душа – глубокая пропасть, иногда прикрытая розами, и с виду невинная девушка, может прятать личину дьявола. Как игрок в шахматы, он должен хладнокровно продумать любой вариант и взвесить все «за» и «против». Алекс снова стал мысленно перечислять и обдумывать факты.

За этим занятием его застали девушки. Они радостно сообщили, что Маша узнала их и пыталась улыбнуться. Завтра они снова придут к ней.

– Теперь по домам – спать. – Коротко сказала Кэtti, и все сразу почувствовали, как устали за эту ночь. – О, Алекс, я не спросила, как прошла деловая встреча?

– Все хорошо. Спасибо, что вспомнила. Освобожусь лишь к концу недели. Только тогда мы сможем поехать в Ришелье, если тебя это интересовало, – и он устало улыбнулся своей очаровательной улыбкой.

3

Hotel De Suez, находящийся рядом с Cafe de flore в одном здании на тихой улочке, был уютным и небольшим. Вход украшали два вазона с плющом, образующим зеленые занавесы, а над стильным дизайном входа на козырьке белыми буквами было написано название отеля. Номера на втором этаже, которые снимали Алекс и Кэтти, были расположены рядом. Встретившись на следующее утро за завтраком в ресторане отеля, они как всегда сели за один стол и сразу же, почти одновременно заговорили:

– Ладно, давай, сначала ты – махнул рукой Алекс, уступая «место» даме. Кэтти не заставила себя долго ждать:

– Я с трудом уснула, несмотря на то, что была безумно уставшая, – проговорила она, намазывая паштет на белую булочку. – Все дело в зонтике. Тот, кто желал смерти Маше, на самом деле хотел сбить Мадлен. Это ведь очевидно! Просто их перепутали. Потому что Маша была с зонтиком Мадлен. Она всегда с ним ходит в последнее время. Мадлен нравятся Ренуар, вернее, его картина, изображенная на зонте – девушки с матросами на террасе кафе и маленькая собачонка. Поэтому такая красота сразу бросается в глаза. Убийца запомнил зонт. Понимаешь?

– Угу, – прожевывая, произнес Алекс. – Однако было видно, что он едва слушал свою собеседницу. Мысли его были

заняты чем-то другим.

Кэтти, заметив его «отсутствие», усмехнулась и постучала ложечкой по чашке. Не добившись внимания, она продолжила:

– А потом старуха Шапокляк как-а-а-к размахнулась зонтом и ударила полицейского по голове.

– Полицейского? – переспросил, очнувшись от раздумий Алекс. – Вы вызвали полицейского?

Кэтти засмеялась.

– Вот я тебя и поймала! Ты не слушал. Нет никакого полицейского, я просто пошутила. Я говорила о том, что убийца видимо, давно выслеживал Мадлен и даже запомнил с каким зонтом она ходит. Потому что дождя уже давно не было в Париже.

– Изумительно вкусно готовят в этом отеле. – Проговорил Алекс, доедая салат. – Нужно Мадлен задать несколько вопросов. Пспрашивай соседей. Может быть, кто-то все же заметил машину. Возможно ее цвет или что-нибудь еще.

– Это должна делать я?

– Ты ведь знаешь французский.

– Ладно. Пошли. Мадлен уже ждет.

Дав Кэтти задание, Алекс через час встретился с Мадлен в Cafe de flore и пытался выяснить все обстоятельства, связанные с наездом возле парадного.

Мадлен была с утра немного рассеянная, – всю ночь ей снились кошмары. Однако это не повлияло на ее безупреч-

ный внешний вид – едва заметный макияж и стильный образ. Алекс с удивлением отметил про себя этот факт.

– Мадлен, у тебя есть враги или люди, желающие твоей смерти?

– Нет. Это невозможно. У меня со всеми всегда были хорошие или нейтральные отношения.

– А как насчет бой-френдов? Есть ли у тебя бывшие молодые люди, с которыми ты рассталась? Какие с ними отношения?

– Да. Я рассталась два месяца тому назад с Николя. Он был очень ревнивым и даже говорил, что убьет соперника или меня. – Мадлен нахмурившись, отодвинула вазочку с десертом, словно причина была в мороженом с фруктами. – Но это абсурд! Потому что он не способен на убийство.

– Ты уверена? Любой человек в определенных обстоятельствах способен совершить убийство.

– Нет! Только не Николя.

– Хорошо. Тогда вспомни, пожалуйста, в последнее время были ли у тебя какие-нибудь недоразумения из-за чего-нибудь с коллегами или подругами, например?

Мадлен, снова придвинув к себе вазочку, стала медленно поглощать аппетитный десерт, обдумывая сказанное Алексом.

– Не припомню таких случаев. Я фотограф-одиночка. Разве что в модельном бизнесе? Там все очень жестко. – Она застыла на секунду с поднятой ложечкой, на которой таяло

ванильное мороженное. Соломенная шляпка с узкими полями, прикрывая от солнца лоб, оставляла золотистую тень в виде узорчатого ореола на лбу и глазах. Каштановые распущенные волосы тяжелыми волнами были разбросаны по плечам.

Алекс на секунду засмотрелся на девушку и подумал, что она прекрасна в утренних акварельных красках Парижа. Возможно, у нее есть конкуренты модели, которым она не нравится. Неожиданно пришла мысль, что ее каштановые волосы такой же длины и цвета, как и тот волос-улика, который он подобрал на крыше. «Что если Мадлен сама притащила туда камень? А может быть, никакого камня и не было, как и попыток ограблений? – закралась неприятная мысль. – Тогда зачем было поднимать весь этот шум? Нехватка внимания? Глупости. Она – модель».

– Вуаля! Вспомнила! – Мадлен проглотила, наконец, мороженное с ложечки и, сделала щелчок пальцами. – Так и есть! На модном показе одна из амбициозных моделей, которая должна была завершать шоу, подвернула на подиуме лодыжку. Режиссер посмотрел на меня и дал команду стилисту. Финальный выход в самом красивом платье достался мне. Это все.

– Подумай еще. – Алекс был сосредоточен, пытаясь проникнуть, казалось, в суть сидящей напротив его девушки. Его глаза, словно два луча рентгена изучали ее: правильные черты лица, открытый, чистый взгляд больших глаз, пухлые

губы. Располагающая, красивая внешность. «Где ты, моя интуиция? Спишь? Нет. Она не могла все это подстроить. Зачем? Нет мотива».

– Да, еще был случай связанный с той же моделью. Вместо нее – все из-за того злополучного финала шоу, на обложку «Vogue» попала я, а не Вивьен.

– Ты можешь пригласить эту девушку под любым предлогом, например, в это же кафе?

– Постараюсь. – Она улыбнулась, приветствуя жестом, подходящую к столику Кэтти.

Своим появлением рыжеволосая бестия, как ее называл про себя Алекс, заставила оглянуться официантов и сидящих рядом за столиками людей. Говорящие о чем-то офисные работники с ноутбуками, замолчали и заулыбались, глядя на девушку в ярком желтом платье с пышной юбкой. Словно солнце, Кэтти озарила своим появлением все вокруг. Вместо приветствия она почти пропела:

– Этим летом Париж пахнет цветами, перемешиваясь с запахом свежего хлеба, дорогого парфюма и жареной кукурузы! – Она засмеялась и обменялась с подругой «французским» поцелуем.

– Ты сегодня поэтична и прекрасно выглядишь, Кэтти! – отметила ее появление Мадлен.

– Всегда поднимаю себе настроение серым утром яркими цветами одежды, хотя для Парижа это нонсенс.

– Ты права! – засмеялась Мадлен. У нас шутят, что если

парижанка одета вместо черного в серое – она очень смело и ярко оделась.

Поскольку разговор между подругами проходил на французском, Алекс терпеливо ожидал, когда закончится «птичий щебет», как он называл их общение. Затем деловым английским предложил ценить время.

Кэтти сообщила, что обошла два этажа. Не все открывали двери и желали общаться. Пожилой француз из квартиры на первом этаже, рассказал, что слышал отъезжающую машину с непривычной для Парижа скоростью. Крика он вообще не расслышал. Мадам со второго этажа слышала крик, но решила, что это кошка. Кто-то слышал только звук автомобиля, но не обратил на это внимание, а кто-то вообще ничего не слышал.

– Пожалуйста, обойди завтра остальные этажи. Вдруг нам повезет, и мы узнаем что-нибудь интересное. Теперь – в больницу к Маше. Если она сможет говорить, мы узнаем подробности. И я уверен, что это не несчастный случай.

Врач любезно пояснил им, что по медицинской страховке Маша может пробыть в палате еще два дня. Но поскольку МРТ показало, что все в порядке, а пациентка уже поправляется, ее можно будет забрать домой через день.

Девушки купили цветы, сладости и фрукты для больной. Когда они зашли, Маша приподняла голову и улыбнулась. После приветствий и комплиментов подруге, девушки рас-

сказали о том, как она их напугала. Непроизвольно они перешли на шепот, а потом и вовсе замолчали.

Глазные впадины Маши были темными, а сами глаза казались огромными и невозможно грустными. Усталость, казалось, поглотила ее черным облаком. Алекс попросил разрешения задать вопрос. Маша едва заметно кивнула головой.

– Ты помнишь цвет автомобиля, который на тебя наехал? Маша кивнула головой.

– Он был белого цвета, как смерть, – сказала она тихо и закрыла глаза.

– Я постараюсь найти того, кто был за рулем.

Маша открыла глаза и улыбнулась краем губ:

– Не стоит. Париж большой.

Выйдя из здания больницы, все были удручены. Солнце скрывалось за тучами. Серое небо размытой акварелью, словно соперживало им, но Париж по-прежнему был прекрасен. Алекс подумал, что желтое платье Кэтти частично компенсирует отсутствие солнца и улыбнулся. Он хотел сделать ей комплимент, но вместо этого сказал, что должен поработать над договором, предложенным его компании. Обычным деловым тоном раздал задание девушкам – Мадлен пригласить модель на завтрак, Кэтти продолжить опрос жильцов, а он сам собирался встретиться завтра с бывшим бой-френдом Мадлен. Махнув на прощание девушкам, Алекс спустился в Метро.

Кэтти и Мадлен загадочно переглянувшись, не спешили

расходиться.

– Случайно, у тебя не лежит в сумочке фотоаппарат? – Кэтти, прищурив глаза, хитро посмотрела на подругу.

– Нет, что ты, даже подумать о таком не могла! – сделала «большие» глаза Мадлен. А у тебя, дорогая трудолюбивка, наверное, точно завалялся в сумке этот предмет? А ну-ка посмотрим! – С этими словами Мадлен вырвала из рук Кэтти сумочку, открыла ее и вытащила фотоаппарат.

– Что я говорила? Ты не меняешься, Кэтти! С тех пор, как мы с тобой закончили колледж искусства, ты не изменила своей привычке везде носить с собой фотоаппарат. – Мадлен рассмеялась.

– Ты думаешь, чего я такая сегодня яркая? Впрочем, ты тоже! Признайся! – наступала Кэтти на подругу.

– Да, так и есть. Я приделась на всякий случай, зная тебя. Кажется, дальше у нас по плану была фотосессия в Люксембургском саду? – Мадлен посмотрела на небо. – Серые оттенки могут быть очень красивыми при нужном освещении дня. Ну что, – в Люксембургский?

На удивление, Мадлен быстро договорилась со своей бывшей конкуренткой. Встреча была назначена в том же цветочном кафе. Когда на следующее утро к столику подошла долговязая девушка с плоской грудью в обтянутых джинсах и футболке, Алекс сразу понял, что это – Вивьен, о которой рассказывала Мадлен. После представления, Мадлен

для приличия, спросила ее о делах. Однако Вивьен, бесстрастное выражение лица которой, было, как маска, спросила без всякой ложной скромности:

– Это твой бывший парень? Ты с ним меня хотела познакомиться? Не пойму, почему ты меня пригласила? Я думала, что у тебя ко мне есть предложение по работе!

– Так и есть, Виви! Хотела пригласить тебя попозировать для фотосессии Кэтти – стильного блогера из Восточной Европы. – Мадлен на ходу приходилось выворачиваться из щекотливой ситуации.

– Сколько она платит за час? – По-деловому спросила модель.

– Бесплатно. Кэтти моя подруга. Но поскольку она очень популярный блогер, на ее сайте престижно появиться. Прости, я хотела, таким образом, еще раз извиниться за то, что тогда перешла тебе дорогу. Я имею ввиду финальный выход и...

– Да, я помню. – Перебила ее Вивьен. – Забудь. Сегодня ты мне подгадила карьеру, завтра – я тебе. Это жизнь. Ничего страшного. На все – Божья воля.

Неожиданно Алекс вмешался:

– Простите, но на самом деле нам нужно выяснить один вопрос: где были Вы в половине одиннадцатого вечера семнадцатого августа? Я друг Мадлен и расследую покушение, совершенное на нее в это время.

– Мадлен кто-то желал смерти? Ой-ла-ла! – Вивьен явно

была удивлена, и непроницаемое лицо стало похоже на детское в тот момент, когда ребенку сообщают, что мороженое ему не положено. Она даже забыла о горячем шоколаде. Какое-то время девушка сидела не шевелясь. Потом, сжав на секунду руки в кулаки, сказала:

– Понимаю. Вы подозреваете меня. Да. Возможно, я немного завидовала Мадлен. Но я не убийца! Как прихожанка церкви Святого Духа, стараюсь бороться со своими недостатками. Не убий – одна из главных заповедей. – Сделав паузу, она просто сказала:

– С шести до восьми тридцати вечера я была в салоне красоты, где мне красили волосы и делали прическу. Потом я зашла в булочную по пути к дому, затем в лавку – купила продукты и, приблизительно в девять тридцать, была уже дома. После этого никуда не выходила.

– Кто-то может подтвердить Ваши слова?

Вивьен усмехнулась:

– Только мой кот Людовик. Адрес, телефон салона могу дать. – И она, записав на салфетке необходимые данные, передала его Алексу. «У нее волосы такого же цвета, как и у Мадлен. Немного короче. Та же длина, что и у волоса-улики, который у меня в кармане» – отметил он про себя.

Подсевшая за столик Кэтти, сообщила, что старушка с третьего этажа заметила отъезжающую машину белого цвета, приблизительно в то же время, что и совершенный наезд на Машу. Затем девушки перешли на французский, решая

свои вопросы, связанные с карьерой. В результате Вивьен согласилась на съемку недалеко от кафе в Латинском квартале.

Уже уходя, Мадлен оглянулась и, обратившись к Алексу сказала:

– Едва не забыла! Николая сможет сегодня в шесть вечера подойти к «Прокопу», чтобы пообщаться. Я ему сказала, что это очень важно и буду рада его увидеть. Так что, в шесть – у ресторана «Прокоп»!

Пройдя вдоль бульвара Сен-Жермен, Алекс нырнул под старинную арку с листом оканта посередине и выбитой на камне надписью – «Cour du Commerce St-Andre». Неожиданно он оказался в узком прелестном дворике, похожем на пассаж, но без стеклянной крыши. Алекс развернул путеводитель – да, он на правильном пути. С этого дворика можно было пройти в знаменитое когда-то кафе «Прокоп», помнящее Вольтера, Гюго, Дидро, Робеспьера и других знаменитостей. Здесь же, если путеводитель не врет, жил Гильотин, а рядом в доме Марат печатал свою газету «Друг народа».

Ровно в шесть Алекс стоял возле входа в знаменитый ресторан на Ансьен-Комеди, 13. Ретро-реклама с коваными виньетками и такой же надписью Le Grosor, удостоверяла правильную точку прибытия. В витринах в овальных рамках на фоне красного занавеса, были выставлены портреты знаменитостей прошлого. Это было первое легендарное кафе в Париже, открытое в 1686 году предприимчивым сицилий-

цем. Здесь впервые подавали не только кофе, но и мороженое.

Николя и Мадлен еще не было. Он зашел во дворик. Здесь было тихо, словно отрешенный от современного мира уголок спал. Шум и суета с бульвара Сен-Жермен не проникали в эти владения истории. Казалось, что даже плющ, обвивающий старые стены, был из прошлых столетий, как и потерянный от множества ног булыжник. Стоящий треножник возле одной из стен, предназначенный для того, чтобы удобней было залазить на лошадь или осла, никто не убрал. Он словно ждал чью-то лошадь. В этом дворике жила Диана де Пуатье, и Алексу показалось, что на секунду кружевная занавеска в одном из окон приподнялась, и прелестное личико будущей фаворитки короля мелькнуло в окне.

– Прости, немного опоздала. – Мадлен появилась неожиданно. – Николя перезвонил, сказал чтобы мы ожидали его внутри Le Procope, а он через минут десять, пятнадцать будет. Задержался на собеседовании. Подыскивает новую работу. – Слово извиняясь, произнесла Мадлен.

Внутри интерьер ресторана был классическим, дорогим и строгим. Белые скатерти на столах, зеркала, развешанные картины и портреты все тех же знаменитых философов и писателей; плавно ведущая лестница с ковровой дорожкой на второй этаж. Французский, традиционный дух нескольких столетий витал здесь. В отличие от Cafe de flore, где столики нужно было заказывать заранее или стоять в очереди,

здесь обедало лишь несколько пар.

Сделав заказ, Алекс поинтересовался, давно ли и как хорошо знает Мадлен своего бывшего парня. Не раздумывая, девушка заверила, что за два года, пока они были вместе, ничего дурного, кроме легкомыслия и ребячества, за Николая не замечала.

Словно актер после необходимой реплике в театре, к их столику подошел Николай. Он искренне извинился за опоздание, и было заметно, что он действительно спешил. Алекс отметил про себя, что его реакция была естественной, когда он знакомился с ним, а рукопожатие крепким. Николай был высокий, симпатичный, с темной шевелюрой вьющихся волос и с татуировками на обеих руках. Мадлен объяснила причину встречи, и лицо Николая стало серьезным.

Выждав паузу, Алекс начал издали:

– Не припомните ли Николая, каких-нибудь странных событий, связанных с Мадлен и ее окружением? Возможно, кто-нибудь был зол на нее или мог ей желать смерти?

– Нет и еще раз – нет! Мадлен всегда – обаятельная и общительная. Ее все любят. Кто мог ей чего-нибудь желать? Ерунда какая-то! – Парень явно нервничал. Только какая была этому причина?

– Николай, а где Вы сами находились в четверг семнадцатого августа в двадцать два тридцать?

– Вы серьезно подозреваете меня? Да, мы расстались. Но до встречи с Мадлен я еще раз двадцать, образно выража-

ьясь, расставался с девушками. И что же, я пойду их всех убивать? Проверьте. Они все живы здоровы. Извините, но по какому праву Вы мне задаете все эти вопросы? Вы что – полицейский? Вы ведь даже не парижанин! – Голос Николая срывался на крик. Вмешалась Мадлен:

– Прекрати, Николая! Этот месье – нанятый мной детектив, знающий толк в расследовании. Он специально приехал из Украины, бросив свою паству, чтобы помочь мне.

– Так, обожди. Этот русский – священник, который живет в Украине... – Увидев сдвинутые к переносице брови Мадлен, он понял свою ошибку. – Разве это не одно и то же? Украина – это ведь Россия? А тебя хотят убить? Кто?

– Это мы и пытаемся выяснить. И мм-да,.. Украина – это не Россия. – Разобравшись кое-как с Николая, в голове которого на миг все перепуталось, она извинилась за своего «бывшего» перед Алексом. Тот в свою очередь, повторил вопрос, на который Николая уже отреагировал спокойнее. А когда ему принесли любимый куриный бульон, за счет Мадлен, он и вовсе успокоился.

– Семнадцатого августа у моего друга было День рождение, и мы с компанией зависали в ночном клубе. Проверьте. Я могу дать телефоны друзей и клуба. Мы там изрядно шумели, поэтому официанты нас запомнили.

Возвращаясь по вечернему бульвару Сен-Жермен, они шли медленно, вдыхая вечерний воздух, настоящий на неповторимых ароматах этой улицы. Мадлен молчала, со-

средоточившись на своих мыслях:

– Он не врет, – произнесла, наконец, она. Я знаю Николая, как мне кажется, хорошо. Он импульсивный и может сделать какую-нибудь глупость, но он не убийца.

– И часто он ходит в рестораны за счет девушек? – Алекс хотел разрядить напряженную обстановку. Мадлен усмехнулась.

– Он не считает это чем-то плохим. Современные люди, увы, не джентльмены прошлого, а девушки оплачивают свои счета в ресторане сами. Для Парижа – это нормально. А в Украине женщины еще зависимы от мужчин?

– Скорее всего, мужчины, ухаживая за женщинами, стараются быть джентльменами. Украинским женщинам нравится, когда за ними ухаживают – подают руку, при выходе из автомобиля, помогают снять или надеть пальто и оплачивают счет в ресторане. – Он вспомнил, как Мадлен категорически отвергла его желание заплатить за всех.

– Извините. – Девушка остановилась, словно пытаясь что-то вспомнить. – Вы напомнили мне, что Николай как-то сказал, что он не сноб, но не потерпел бы рядом с собой женщину, которая больше его зарабатывает. Он просто бы от нее избавился. Уверена, что это была лишь случайно сказанная им глупая фраза.

– А как, простите, вы расстались? Какая была причина?

– Думаю, что причина была в том, что я стала подрабатывать моделью и стала зарабатывать больше. Когда мы позна-

комились, я была всего лишь фотографом, который перебивается от проекта к проекту. Теперь я понимаю, почему ссоры участились.

– Вероятно, он скрывал свои истинные чувства. Мадлен, позвоните его друзьям, немедленно. Прямо сейчас. Узнайте о Дне рождения, а Кэтти завтра подъедет в ночной клуб. К сожалению, я буду занят делами своего бизнеса. Да, от меня привет Маше. Ведь завтра с утра вы ее забираете?

Они остановились возле дверей в его Hotel De Suez. Мадлен пошла дальше, по плавно изгибающейся улице Сен-Бенуа к себе в дом номер шесть, а Алекс, постояв с минуту возле входа в отель, неожиданно для себя вернулся на бульвар Сен Жермен. Ему хотелось в этот теплый августовский вечер прогуляться. Побывать с Парижем.

Не спеша он шел по бульвару. Алекс смотрел на гуляющих людей и впервые, они показались ему не настоящими. Словно призраки, прохожие ходили, общались, сидели в кафе за уличными столиками, что-то ели, пили, говорили по телефону, знакомились, расставались, встречались... «Все – суета сует, – подумал он. – Все – кроме этой вечерней зари, зеленоватого неба – осколка Вселенной и этого города. Он, как древний хранитель печати на своем посту недоступен, но верен королеве Истории. Впрочем, этот город, как и все остальное – лишь иллюзия. Все – набор атомов. Даже люди, праздное отношение к жизни которых мимолетно. Все мы – туристы, гостящие в этом мире. Мы восхищаемся мыльными-

ми радужными пузырями в этой глобальной голограмме, забыв о настоящем доме – источнике своего существования».

Алекс присел за столик на террасе старинной закусочной Lirr и заказал кружку пива, предаваясь своим мыслям. Неожиданно маленькая беленькая собачонка в забавном платьице в розовый горошек едва не описала его ноги. Хозяйка успела ее, к счастью, оттащить. «А вот и Знак Господа Бога – усмехнулся он, вспомнив о своем сане священника. – Завтра Воскресенье – нужно немедленно пойти в Дом Отца».

Отец Алексей вспомнил, что на гва Дагу находится маленький, но милый Собор Александра Невского, где собираются потомки еще первой волны русских эмигрантов. Там чувствуется Дух Святой и очень теплая, почти домашняя обстановка. «Действительно, – «Дарю» – улыбнулся он, проговорив про себя еще раз название улицы.

Николя действительно был в клубе на дне рождения, у одного из друзей. Его алиби подтвердилось. Кэтти разговаривала с двумя официантами, и они так же вспомнили шумную компанию молодых парижан и высокого юношу с пышной шевелюрой и татуировками. С алиби Вивьен дела обстояли сложнее. Определить, была ли она на самом деле в своей квартире – было невозможно. Кэтти по просьбе Алекса подъехала к ее дому и спросила у консьержки, когда возвращается с работы Вивьен, но у той сохранились записи лишь приходящих гостей во время отсутствия хозяев. Однако она подтвердила, что мадмуазель Вивьен часто приходит домой в восемь, девять вечера и очень редко позже.

– Ах, не могу застать подругу, а телефон ее потеряла. Хотела сделать ей сюрприз, но видимо, он не удастся. Мерси, мадам! – И Кэтти упорхнула, как птичка.

Парикмахерша утвердительно кивнула, встряхнув модной стрижкой на голове. Да, Виви была у нее 17 августа и делала покраску и укладку волос.

– Она вас так расхваливала! – Улыбнулась Кэтти. – Теперь вижу, что не зря. Вы прекрасный мастер. – Кэтти смотрела на себя в зеркале, оценивая новую стильную прическу.

– Кстати, если вы увидите свою подругу, передайте ей этот буклет. Я забыла ей отдать. Мы вместе ходим в воскрес-

ную школу при нашем храме. – Объяснила мастер и всунула в руки Кэтти протестантский буклет «Ежедневное исповедание».

Получив от Кэтти подробное изложение выполненного задания, Алекс размышлял. Итак, Вивьен при всей ее набожности и подтвержденных фактов оставалась под подозрением. Машина у протестантки-модели была серебристого цвета, но автомобиль можно взять в аренду или одолжить. Улика в виде каштанового волоса, похожего на цвет волос Мадлен и Вивьен все так же тяжелым камнем лежала во внутреннем кармане его пиджака.

Маша выздоравливала уже дома, и билеты в Ришелье были взяты на вторник. Кэтти была вне себя от радости. Ведь фотосессия в провинциальном старинном городке, в усадьбе дома семнадцатого века не входила в ее планы и была подарком судьбы.

– Как тебе досталось это имение? – Спросила она Мадлен, когда вся суета, связанная с поездкой к вокзалу, посадкой в вагон поезда уже была позади.

– Все просто. – Мадлен пожала плечами. – Этот дом был наш всегда. Вернее, он достался моему прадеду виконту де Росьеру от его родственников. От каких – след теряется в истории. Потом им владела бабушка – де Буа-Росьер. Теперь – я.

Эта истории заинтересовала Алекса, как звено, связанное с историей Мадлен. Он спросил, интересовался ли кто-ни-

будь ее помещьем? Возможно, все дело в доме и наследстве?

– Дом старый. Отреставрировать его – было бы очень невыгодно. – Вздохнув, ответила Мадлен.

Из ее рассказа следовало, что реставрация заняла бы много времени, сил, денег, а так же это бумажная волокита. Земли осталось немного – всего лишь гектар, с которым она и так не знает, что делать. Есть еще дополнительные постройки. Родственников ближайших нет и, навряд ли, кто-то будет ее убивать ради кусочка земли и дома, где больше проблем, чем прибыли.

– Это еще как сказать – задумчиво произнес Алекс. Кто-то, возможно, смог бы отремонтировать дом и наладить бизнес. Например, сделать небольшой отель.

– Ришелье – сонный городок, – хмыкнула Мадлен. – Туристов не так уж много, хотя он находится недалеко от Парижа. Впрочем, сами увидите.

Въезжая в город на такси, друзья проехали мимо указателя Pays de Richelieu, что означало «Земля Ришелье», как перевела Кэтти. Городок был разделен на две ровные части широкой центральной улицей. Именно она, по плану знаменитого архитектора Жака Лемерсье, соединила между собой два одинаковых квадрата земли, застроенных зданиями с величественными фасадами. Дома все были двух или трех этажные, с мезонинами, похожие друг на друга. Кое-где попадались остатки былой крепостной стены, когда-то опоясывавшей город по периметру.

Свернув с главной улицы, такси скоро остановилось возле большого двухэтажного особняка с великолепными коваными воротами.

– Приехали! – сказала Мадлен, и улыбка осветила ее лицо. Без лишних слов была видна ее любовь к своему дому.

Высокие окна были оформлены белой каменной окантовкой с прямоугольными выступами. Стены кремового цвета хорошо сочетались на контрасте с «замковым» цветом крыши, покрытой темно-серой черепицей. Мезонины и слуховые окна с белыми мраморными валютами были украшением дома. От высокого мезонина с треугольным оформлением, симметрично располагались два овальных пониже. Все – элегантно и сдержанно, и только широкие и длинные каминные трубы из темно-красного огнеупорного кирпича, вносили нотку веселого задора в этот выверенный стиль.

Семнадцатый век, вдохновивший столько последующих поколений художников и архитекторов, звучал в Ришелье мелодиями Жан Батист Люлли, Джованни Габриелли, Робер Камбер, начиная от Гранд рю и заканчивая этим домом.

Главная аллея вела к крыльцу с белой балюстрадой, с двух сторон к которому поднимались мраморные ступени. Небольшой огородик с отдельным входом начинался сразу за углом дома. Перед фасадом был разбит элегантный сад, состоящий из вечнозеленых растений, газонов, деревьев в серых деревянных кадках и небольшого фруктового сада с правой стороны от главного входа.

Все это великолепие с восторгом оценила Кэтти. Она уже на ходу присматривала уголки для фотосессии. Алекс лишь мысленно задал себе вопрос о том, кто ухаживает за этим садом, и сколько здесь стоит подстричь самшитовую изгородь. словно читая его мысли, Мадлен произнесла, остановившись перед дверью и, поставив на крыльцо свой саквояж:

– Когда-то здесь было много слуг, и ухаживали за домом и садом гораздо лучше. Я же, как фотограф-художник, ценитель красоты, всеми силами стараюсь по возможности поддерживать престиж дома эпохи короля-Солнца. Ухаживать за садом мне помогает местный садовник со своим сыном – это их бизнес, а внутри дома приходит убирать два раза в неделю женщина с дочерьми, так же из местных. Я счастлива, что могу дать работу людям. Ну что ж, добро пожаловать!

Интерьер внутри дома был раритетным: сохранившиеся обои восемнадцатого и девятнадцатого века украшали стены со старинными картинами. Мебель была так же антикварной, за исключением стильных предметов, приобретенных Мадлен. Из гостиной, где салатные обои с изящными деревьями и яркими птицами превращали ее в райский сад – анфилада двух небольших комнат вела в овальную столовую с огромной хрустальной люстрой над длинным столом.

– Это ведь целое состояние! И такое прекрасное! Мадлен, тебе нужно пойти на курсы реставраторов мебели. Этим ты сэкономишь целую кучу денег. – Посоветовала практичная

Кэтти.

– Мне хотелось бы осмотреть сарай, где произошел пожар – по-деловому произнес Алекс.

– А мне – обсудить с тобой нашу завтрашнюю фотосессию. – Обратилась к подруге с горящими глазами Кэтти, дух творчества которой уже завладел.

– Может быть, я покажу вам главную площадь с памятником Ришелье и его дворец? Но сначала проведу в ваши комнаты на втором этаже и, пожалуйста, не сопротивляйтесь. Никаких отелей. Вы – мои гости. – Сразу четко выразила свою мысль Мадлен.

После того, как друзья распаковали свои вещи и обустроились в старинных спальнях, они спустились вниз, и Мадлен показала им свою гордость – кухню. Большое просторное помещение находилось в задней части дома и имело отдельную дверь, выходящую в сад с розарием. Мадлен положила плитку возле выхода, обустроив, таким образом, террасу. По ее периметру стояли все те же деревья в серых квадратных деревянных кадках, украшающие весь городок. Французы придерживались стиля, и городская администрация большими штрафами заставляла поддерживать эту хорошую традицию.

Главной достопримечательностью кухни был огромный очаг-камин, характерный для средневековой Франции. Над ним на полках располагалась старинная медная утварь. Эту коллекцию семнадцатого-восемнадцатого веков разбавляли современные медные изделия в стиле ретро – кофеварки

и кружки. Мадлен с гордостью показала свое кухонное богатство и тут же стала варить кофе на современной электро-плите. В большом двух дверном стильном холодильнике с блестящей металлической поверхностью, аккуратно стояли на полках продукты и печеный бисквит – забота домработницы и предусмотрительность Мадлен.

– Воры здесь так же побывали? Какие комнаты их особенно интересовали? – Спросил Алекс, мысли которого были заняты построением схем причинно следственных связей, связанных с бедами Мадлен.

– На кухне их не было. Была перерыта вверх дном библиотека на первом этаже. Я вам ее покажу. Так же – спальни, гардероб и обшарены все мезонины и чердак.

– Что-нибудь было взято из вещей?

– В том-то и странность, что ничего. Ведь любая картина в гостиной или столовой стоит большую сумму денег.

– Одно из двух – или воры не знали ценности вещей или перед ними была поставлена совершенно другая задача. – Алекс замолчал, задумавшись, а две пары глаз одновременно уставились на него.

Сцену молчания неожиданно разрядил прозвучавший женский грудной голос. Сказанная фраза на английском языке, заставила одновременно задуматься и восхититься умом неожиданно появившейся гостьи:

– Возможно, они искали то, о чем не знает сама Мадлен?!

– О, мадам Бенуа! Рада, что Вы зашли. Знакомьтесь, это

мои друзья. – Мадлен представила их друг другу.

– Можно просто – Клер, – подала сухую изящную руку в широких браслетах соседка Мадлен.

С трудом верилось, что перед ними женщина шестидесяти восьми лет. Внешне она выглядела на сорок пять. Стройная, с накаченными мышцами рук и ног, стильная мадам была воплощением настоящей француженки. Она блистала не только ухоженной внешностью (хотя ее нельзя было назвать красавицей), но и умом, знанием языков и интересом ко всему новому. Клер водила автомобиль, делала посты в Фейсбуке. Ее интересовали последние новинки современной техники, как и показы от кутюр ведущих Домов моды. Кроме того, когда-то мадам Бенуа, была вхожа в богемную среду Парижа. Перечень ее знакомых из мира кино, моды, писательской среды, мог повергнуть в ностальгический шок белой зависти любого ценителя прекрасного. Хотя Мадлен и рассказывала о своей соседке, однако личное знакомство превзошло все ожидания Кэтти и Алекса.

Послеобеденное солнце было ласковым, и Мадлен предложила выпить кофе с бисквитом на террасе. Она накрыла белую скатерть на стол, принесла фарфоровую старинную посуду и кофейник. Плетеные кресла с мягкими подушечками для сиденья вынесли из кухни. Пахло кофе и розами. В саду пел соловей и щебетали на разные голоса птицы. В такие моменты хочется, чтобы время замедлило свой бег.

Именно это испытывали три женщины в тени большого

белого зонта, наслаждающиеся ароматным кофе с гвоздикой и корицей, приготовленного Мадлен. Иногда приятно сидеть в хорошей компании друзей и говорить о всяких глупостях, смеяться без причины, просто так, потому что жизнь – прекрасна.

Однако Алекс, присутствующий здесь же, мыслями был то в доме, осматривая этаж за этажом, то в Париже возле дома Мадлен, где белый автомобиль сбил Машу. За Мадлен следили – это было очевидно, но недоказуемо. Если сама девушка преступница, возможно, у нее есть сообщник, разъезжающий в белом автомобиле. Какая причина того, что даже здесь в Ришелье, что-то искали? Где доказательства? Не выдержав, когда в разговоре женщин будет пауза, чтобы задать вопрос, Алекс резко сменил тему:

– Простите, Клер, – Вы позволите себя так называть? – Получив, положительный ответ он продолжил. – Как Вы обнаружили, что кто-то был в доме? Я хотел бы знать подробности.

– Очень просто. – Невозмутимо после милого разговора о Париже, моде, серьезно начала свой рассказ мадам Бенуа.

– Я услышала крик сына садовника – молодого человека. Они пришли, как обычно, ухаживать за садом и пошли в сарай взять инструменты.

– Ключ от сарая я оставила садовнику, а от дома ключ есть у домохозяйки и у Клер. – Вставила свои пояснения Мадлен, не дожидаясь дополнительных вопросов.

– Спасибо, Мадлен. – Поблагодарила ее мадам Бенуа. – Так вот, подойдя к сараю, сын садовника заметил, что с правой стороны дома открыто окно. Это его обеспокоило. Они решили проверить. Когда заглянули в окно со стороны библиотеки, увидели беспорядок и поняли, что чужие люди или, попросту говоря – воры, были в доме. Вместо того чтобы сразу вызвать полицию, они стали звать меня. Хорошо, что я услышала. Узнав в чем дело, сразу вызвала горничную с ключом и полицию. Потом позвонила Мадлен. Составили акт. Садовники и я были в качестве понятых. Вот и вся история.

– Теперь вопрос к Вам, Мадлен. Что-то бросилось в глаза странное, кроме того, что был беспорядок? Где воры искали больше всего?

– Библиотека была перерыта вся. Книги скинуты с полок. Ящики столов выпотрошены. Хорошо, что сейф не был найден. Он был замаскирован.

– Вы думаете, что искали деньги?

– Не знаю.

– Если бы у воров была цель – деньги, они, поверьте, сейф нашли бы и смогли бы его открыть.– Вставила Кэтти свое умозаключение.

– Мне показалось, что воры как-то странно действовали, – произнесла задумчиво мадам Бенуа.

– Почему, Клер, Вы так считаете? – Алекс прищурил глаза, пристально всматриваясь в мадам, словно пытаясь проникнуть в ее мысли.

– Воров интересовали книги, но ничего из библиотеки они не взяли. Их совсем не интересовала гостиная – где, висят ценные картины и столовая, где находится дорогой фарфор. В спальнях, насколько я помню – так как я вместе с горничной прошлась по всему дому, был так же беспорядок, но в меньшей степени. До появления Мадлен мы ничего не трогали. А ведь в некоторых спальнях находились дорогие серебряные подсвечники, статуэтки. Возможно, искали так же сейф?

– Да, я вспомнила, что в трех спальнях были открыты дверцы тумбочек, все было вытащено оттуда, так же искали что-то в комодах. Меня удивило, что в гардеробной на втором этаже было все перевернуто, дорогие платья валялись на полу, словно их кто-то с ненавистью бросил. Мои аксессуары так же валялись. При этом ничего не взяли! То же самое было на чердаке и в комнатах с мезонинами.

– У меня такое ощущение, что вор – женщина. – Проговорила мадам Бенуа, смотря куда-то вдаль. А как Вы думаете, Алекс?

– Возможно, возможно. Впрочем, мы можем ошибаться. – Согласился Алекс.

– Например, если это мужчина гей. – Вставила свое слово с серьезным выражением лица Кэтти.

– А как Вы заметили пожар в сарае, мадам Бенуа?

– Пожалуйста, мне приятнее, когда меня называют по имени. «Мадам Бенуа» сразу прибавляет возраст. – Наро-

чито по театральному сказала она. Все заулыбались, а Алексу пришлось извиниться.

– Все просто. Иногда у меня бессонница. Ночь была душная, я вышла на балкон и заметила в усадьбе Мадлен облако странного тумана, поднимающегося со стороны сарая. Присмотревшись внимательнее, заметила из-под двери валивший дым. Поскольку я знала, что Мадлен в Париже, сразу вызвала пожарных.

– С вашего разрешения, дамы, я пойду и осмотрю сарай. Мне нужны будут ключи.

Мадлен принесла ключи. Когда Алекс ушел, три женщины почувствовали большое облегчение. Можно было продолжить наслаждаться жизнью и обществом друг друга. Мадам Бенуа, переводя взгляд с одной подруги на другую, с лукавым выражением лица тихо спросила:

– А теперь признавайтесь, ангелочки, – чей Алекс любовник? Ведь он – красавец, и такой мужчина, – ой ла-ла! – Она поднесла три пальца, собранные в «щепотку» к губам и звонко поцеловала их.

Девушки рассмеялись. Мадлен, доливая кофе, едва не пролила его на скатерть:

– Клер, Вы не исправимы! – Пожурила она свою соседку и подругу. Однако мадам была крепким орешком.

– Мадлен, когда у тебя был в последнее время секс или романтическое свидание? Зная тебя, могу даже предположить, что два года тому назад. С тех пор, как ты рассталась с Нико-

ля – ты ведешь замкнутый образ жизни. Ну, это твое дело! – махнула она рукой. – А что ты скажешь, Кэтти, по поводу этого молодого человека с такой романтической прической?

Кэтти сначала слегка смутилась, потом рассмеялась:

– У нас все священники носят такую романтическую прическу. Ведь Алекс, на самом деле – отец Алексий, православный священник. – После слов девушки, мадам Бенуа сделала большие круглые глаза и, открыв рот, нарочито забавно показывала свое изумление.

Мадлен хохотала. Но Клер не растерялась и задала Кэтти вопрос в лоб:

– Ты хочешь сказать, что, зная такого красавца давно, насколько я смогла понять, ты никогда в него не влюблялась и у вас ничего ни разу не было?

– О, мадам Бенуа! – Смутилась Кэтти, пряча глаза и отхлебывая остывший кофе.

– Все ясно, дорогая. Все ясно. Это – жизнь! Ты все так же в него влюблена, как и прежде. – После паузы Клер задумчиво произнесла:

– Если я не права, поправьте меня. Ведь ортодоксальным священникам у вас можно жениться и иметь семью? Ведь так? – Кэтти кивнула головой и едва не поперхнулась глотком кофе. – Не отчаивайся, дорогая. Жизнь длинная и удивительная. Часто она преподносит нам сюрпризы, и они могут быть иногда приятными. Милая Мадлен, твоя испанская роза в этом году особенно хороша! Ты обещала мне пода-

рить черенок. – Тем же тоном, без паузы, мадам обратилась к своей соседке, оставив смущенную Кэтти в покое.

Осмотрев сарай, Алекс сделал тот же вывод, что и пожарные – злоумышленный поджог. Широкие двери, обитые железом, не пострадали, но были сильно испорчены. Каменная стена возле них была вся черная от дыма и огня. Многие вещи попросту сгорели. Деревянные ручки лопат, граблей и тяпок были опалены. Стоявшие пластиковые вазоны для цветов оплавилась. Огонь был с одной стороны и не успел разгореться в полную силу, – пожар вовремя потушили. Было видно, что злоумышленник что-то подложил под дверь и поджег.

– Возможно, поджигатель был новичок в этом деле. Если бы действовал матерый преступник, пламя было бы сильным. – Вынес он вердикт, вернувшись к столу и обращаясь к Мадлен.

В ответ на его слова девушка замерла и прикрыла на секунду глаза. Едва расслабившись в кругу друзей, она снова почувствовала угрозу, нависшую над ней. Здесь, дома, Мадлен была более уверена в своей безопасности, но факты говорили обратное. Не желая того, Алекс испортил всем настроение. Однако он приехал в этот городок именно с целью расследования и помощи.

Неловкую ситуацию спасла Кэтти. Она весело воскликнула:

– Мадлен, кажется, ты хотела нам показать памятник ле-

гендарному кардиналу Ришелье? Не дождусь посмотреть эту площадь! Хочу завтра там сделать фотосессию.

Мадам Бенуа, тут же под предлогом неотложных дел ушла, а друзья отправились осматривать городок.

Вход в старый город открывался прекрасной аркой с серой черепичной крышей в старой крепостной стене. По бокам от нее выступали пристроенные охранные башни с пирамидальными крышами, из которых торчали высокие трубы. Бывший ров был засыпан землей, и там, где когда-то была черная вода, теперь зеленела трава и благоухали розовые кусты и деревья.

Выйдя на площадь, друзья поразились ее царским размерам. Современный фонтан, бьющий высокими струями, был ее украшением. *Notr-Dam de Richlieu* – строгий собор со статуями на фасаде, часами с римскими цифрами и двумя башнями-шпилями, был лаконичен и величественен. По периметру площади неравномерно стояли припаркованные автомобили. Трехэтажные старинные здания с мезонинами и серой черепицей, словно открывали вход к таинственным узким улочкам. Они приглашали прогуляться.

Маленькие магазинчики с ретро-витринами притягивали к себе. Кое-где прямо на тротуар были выставлены старинные кованые изделия для дома, дверные колокольчики, петушки и курочки в стиле Прованс вместе со стильными хозяйственными сумками и пластиковыми изделиями. Кова-

ные указатели заведений в средневековом стиле, сохранившиеся столбики для привязывания лошадей и другие детали подчеркивали исторический дух городка. Кое-где вместо ручки к двери была приделана старинная деревянная французская туфля с торчащими цветами. Это особенно умиляло девушек.

Многие заведения не стесняясь, эксплуатировали образ великого кардинала. Плакаты с его изображением периодически напоминали о человеке, создавшем этот город. Кое-где на зданиях висели мемориальные таблички. На одну из них указала Мадлен. Этот был ее дальний предок, судя по рассказам бабушки. Кэтти перевела. Надпись утверждала, что 11 февраля 1633 года, этот участок был передан кардиналом Ришелье в пользование барону Thomas Morgant, главному казначею Его Величества. Здание возведено подрядчиком Jean Varbet для 10000 книг. Строительство закончено к Пасхе 1634 года.

– Персональное здание под книги?! – Воскликнула Кэтти, округлив глаза.

– Да, он был образованным человеком, – скромно ответила Мадлен. – Если бабушка, конечно, не ошиблась и он, действительно, мой предок.

Уютные маленькие кафе под полотняными тентами и белыми зонтами, казалось, нарочно распространяли ароматы кофе, корицы и запах свежей выпечки, против которых было сложно устоять. В одном из таких кафе, на углу сказочного

здания семнадцатого века, где столики занимали почти весь тротуар, друзья решили поужинать и завершить день полный впечатлений.

– Итак, что будет завтра? – спросила Мадлен у Кэтти, откусывая маленький кусочек сочного пирога.

К утреннему кофе у дома Мадлен, мадам Бенуа пришла не с пустыми руками. В каждой руке у нее было по несколько пакетов и одна большая круглая антикварная коробочка. Она поставила все это на террасу, а по ярко оранжевой помаде и ее улыбке было видно, что утро для нее началось прекрасно. Поздоровавшись, мадам достала пакет испеченного миндального печенья собственного изготовления.

– А вот и обещанные фотографии из фотосессии, которую недавно мне сделала Мадлен. Я их распечатала и хочу некоторые поставить в рамки. Не буду скрывать – должна подарить своим вздыхателям. Мадмуазель, можете отобрать лучшие? – С этими словами она достала пачку своих великолепнейших фотографий и положила на столик. – Завтрак для девушек обещал быть интересным.

Алекс не желал принимать участие в просмотре фотографий, демонстрируя свое «отсутствие». Все же ему не удалось избежать неминуемого. Его мнение, как «красивого и стильного мужчины» дамы требовали, как гладиаторы крови. Алексу пришлось смириться со своей участью, и он вынужден был отвечать «да» или «нет». Однако очень быстро женщины поняли его тактику. Поэтому, когда ему показывали очередную фотографию, от «единственного мужчины» требовали более пространственных комментариев. Неожиданно

данно оценив его вкус, дамы стали тщательно прислушиваться к его мнению.

– Вы не пытались стать критиком в мире моды? – неожиданно спросила мадам Бенуа, на его очередной краткий комментарий.

– Нет, мадам. Эта иллюзорная суета, забирает слишком много времени у людей. Есть более важные задачи у человека.

– Ах, да, простите. Я совсем забыла, что Вы – служите Богу.

Выпив две чашечки кофе, Алекс извинившись, ушел работать – собственная фирма требовала его каждодневного присутствия он-лайн, а подготовка документов для подписания договора с французской компанией, была еще одним куском работы.

– Да он просто сокровище! – высказала свое мнение Клер, когда Алекс исчез за дверьми дома. – А какой вкус! Ему бы в модном журнале работать.

– Я жила у его матери два года, когда переехала в Киев. Эта замечательная женщина приютила меня и относилась, как к родной дочери, пока я не встала на ноги. Так вот, мне понятно, откуда у него такой вкус. Лариса Петровна – искусствовед и прекрасный дизайнер интерьеров. Она чудесно разбирается в моде и делает сады. Кроме того, она очень образованный человек.

– Ой ла-ла! – воскликнула мадам Бенуа, а Мадлен восхи-

ценно произнесла:

– Тебе повезло, дорогая! – сказала она, убирая посуду.

– Кстати, Клер, откуда у Вас эта антикварная коробка? – Кэтти поставила ее на стол и стала рассматривать. Редкого, темно фиолетово-коричневого цвета, из дерева – она была тяжеловата. На крышке коробки краска по краям уже отшелушилась, но изображение в овале девичьего ангельского лица хорошо сохранилось. Постучав по ней и взвесив на глаз коробку, девушка воскликнула:

– Да она внутри металлическая! Вау! Это конец восемнадцатого, начало девятнадцатого века! Амбир! Супер!

– Она осталась у меня с моей фотосессии. Мадлен спешила в Париж и коробка на время осталась у меня – я примеряла шляпку к своей одежде.

– Там есть еще шляпка? – Глаза Кэти блестели, как два бриллианта. Она тут же открыла крышку и достала оттуда стильную шляпку из фетра. – Мне она напоминает какую-то шляпку... Сейчас вспомню. – Кэтти потерла пальцем лоб.

– Не может быть! – Крикнула она вдруг и застыла со шляпкой в руках, словно увидела что-то невероятное, что повергло ее в эстетический шок.

– Да, моя дорогая. – Мадам Бенуа с пониманием улыбалась, как фея, только что подарившая золушке хрустальные туфельки. – Это знаменитая шляпка-чернильница Эльзы Скиапарелли. Когда-то она была последним «писком» моды. В тридцатых годах моя мама мечтала о ней, но шляпка

была ей не по карману.

– Да это же сокровище, раритет! Ей место только в музее! – Кэтти не сводила глаз с драгоценного убора в ее руке.

Подошедшая Мадлен была удивлена: Кэтти стояла со старой шляпкой и чуть не рыдала, Клер – в умилении стояла рядом и гладила Кэтти по голове, как маленькую девочку.

– Что я пропустила? Надеюсь, никто не умер? – спросила она полушутя-полусерьезно.

Кэтти едва выговаривая слова, еще не пришедшая в себя, чуть слышно проговорила:

– Мадлен, ты понимаешь, чем обладаешь? – и она поднесла к лицу подруги шляпку.

– Нет. Что случилось? – Снова переспросила уже обеспокоенная девушка.

– Кэтти, это бесполезно. Я пыталась объяснить Мадлен ценность этой шляпки, но мадмуазель равнодушна к подобным вещам и не знает, кто такая Скиапарелли. А ведь в свое время, Коко Шанель зеленела, когда кто-то при ней производил имя ее конкурентки. О-о-о, эта шляпка-чернильница, уверена, стала кошмаром ее снов. Дали и Скиапарелли создали шедевр! – Мадам Бенуа неожиданно заговорила тихо, словно размышляя. – Шляпка стоила баснословно дорого... Свои корни нужно знать, дорогая!

– Мадлен, ты позволишь взять шляпку и коробку для сегодняшней фотосессии?

– Без проблем!

– Тогда немедленно собираемся и – в город! К памятнику Ришелье, как и договаривались.

Припарковав старенький Рено, одолженный у мадам Бенау, девушки достали из багажника большой плетеный короб аксессуаров, и еще несколько коробок из салона машины. Все это они поставили в тени деревьев и подошли к главному месту площади – святому для многих, живущих в этом городке.

Памятник кардиналу был обнесен цепями и окружен ароматными цветами. Позади него было два старинных небольших дома – ухоженное жилое двухэтажное здание и одноэтажное, крыша которого покрылась мхом. Вблизи было видно, что статуя – произведение искусства, выполненная из мрамора с любовью и усердием. Ришелье в левой руке держал документ, а правой загадочно, указательным пальцем показывал или на себя, или на покрытую мхом крышу забытого властями домика. Взгляд его был устремлен в неизведанное. Все детали были виртуозно проработаны – вены на руках, кружево на манжетах. Холеные усы и бородка особенно впечатлили Кэтти. Внизу на постаменте был помещен его герб и даты жизни: 1585—1642.

Отдав дань восхищению кардиналу, подруги сразу же приступили к делу – стали выбирать подходящие ракурсы для съемки, придумывать мизансцены. Договорившись, снимать друг друга поочередно, Мадлен предложила несколько сцен

сделать в кафе – в шляпках, за чашечкой кофе.

– Мы только начали! – поняв ее намек, засмеялась Кэтти. Она достала из короба старинную книгу и вручила Мадлен. – Читай. Красивые позы – обязательны!

И... работа закипела. Смена мизансцен, одежды, аксессуаров, головных уборов – все было динамично и продумано. От памятника перебрались к деревьям, спасаясь от дневной жары. Одни «картинки» успешно сменяли другими. Было захватывающе, весело и профессионально. Собралось несколько зевак. Через полчаса работы девушек, за ними наблюдало небольшое общество любопытных, которое со временем из-за жары рассеялось.

Наконец, Кэтти нарядила Мадлен в длинное платье в стиле ретро, надела на нее знаменитую шляпку от Скиапарелли и вручила шляпную коробку – ту самую, в которой находилась шляпка. В другую руку – книгу.

– Мои читатели умрут от счастья! Если только я сама благополучно переживу этот момент! – смеялась Кэтти. Она приседала с фотоаппаратом, вставала, бегала возле Мадлен в поисках идеального ракурса.

– Нет, повернись влево, чтобы была видна средневековая улица! Голову чуть вправо, еще чуть-чуть... Блестяще! Стой! Нужно поправить локон. – Кэтти руководила творческим процессом, забыв обо всем на свете.

Девушки так были увлечены съемкой, что не заметили, как уже десять-пятнадцать минут в стороне за ними наблю-

дал молодой человек. Наконец, Кэтти решила сменить образ Мадлен и, поцеловав подругу, воскликнула:

– Дорогая, ты – супер-модель! Можешь пять минут отдохнуть, пока я принесу мантилью. – Кэтти сказала это уже на ходу, стремительно удаляясь к заветному коробу.

– Нет, Вы не супер-модель, Вы – Богиня! Мадмуазель, примите мой искренний комплимент! – Стоявший молча все это время молодой человек, поклонился с «пируэтами», расшаркавшись в стиле галантного века, чем произвел на Мадлен сильное впечатление. Однако, имея опыт славы подиума, она ответила, как капризная красавица вопросом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.